

**ПОЛИНА
ДАШКОВА**

Чувство
реальности

ТОМ 2

«Астрель»

ДЕТЕКТИВ

Полина Викторовна Дашкова
Чувство реальности. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118765

Дашкова П.В. Чувство реальности: В 2 тт: Т. 2: АСТ, Астрель; М.; 2003
ISBN 5-17-018158-2

Аннотация

В Москве совершено двойное убийство. Убитые – гражданин США и молодая красивая женщина. Ведется следствие. Вероятность того, что это заказное убийство, – очевидна. Но каковы мотивы?..

Содержание

Глава 22	4
Глава 23	9
Глава 24	19
Глава 25	27
Глава 26	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Полина ДАШКОВА

ЧУВСТВО РЕАЛЬНОСТИ

(т. 2)

Глава 22

К рассвету опять пошел дождь. Он громко застучал по карнизу, и звук был похож на быструю, торжественную барабанную дробь. Дежурная сестра крепко спала в кресле у кровати. Спал охранник в своей будке у ворот, спали больные в соседних палатах.

Галина Дмитриевна Рязанцева никогда не встречалась с ними. Ее выводили на прогулку отдельно от других. Когда она шла по коридору, все двери были закрыты. Ее никто не должен был видеть. Слишком часто ее лицо мелькало на телеэкране и в прессе еще совсем недавно, рядом с лицом ее мужа.

В маленькой частной клинике лежали люди с легкими нервными расстройствами, с депрессией, переутомлением, неврозами и прочими неопасными душевными хворями. Некоторые здесь просто отдыхали, восстанавливали силы после всяких стрессов, получали свою порцию покоя, приятных оздоровительных процедур и вскоре выписывались.

Кто-то мог узнать Галину Дмитриевну, а потом рассказать, что видел ее здесь.

Окно за сеткой было приоткрыто, в палату лился свежий острый запах дождя. От ветра медленно шевелилась белая капроновая занавеска. Капли барабанили все сильнее. Вспышка молнии осветила просторную палату, выхватила из полумрака мертвый экран японского телевизора, округлые края добротной светлой мебели, привинченной к полу. Стол, мягкое кресло, обитое кремовой искусственной кожей, профиль спящей в кресле сестры, дрожащую от легкого сквозняка рыжую челку, зеленую шапочку, упавшую на пол, высокую кровать, снабженную шарнирами и ремнями, лицо Галины Дмитриевны на подушке.

Повязка на лбу сбилась, сквозь бинт просочилось алое пятнышко. Влажные карие глаза открылись, и в широких зрачках успела отразиться мгновенная белая вспышка.

Был первый настоящий ливень в этом году, ранняя гроза, ленивая, медленная, негромкая, словно спросонья. Странно, что гроза началась именно на рассвете.

Галина Дмитриевна любила рассвет за тишину и одиночество. Она старалась заранее настроиться так, чтобы проснуться в это время, когда небо едва светлеет, солнце еще не взошло и кажется, что весь мир заснул. Всего полчаса в сутки, если, конечно, удавалось проснуться, ей не было стыдно и страшно жить. Никто не мог увидеть ее, заговорить, заглянуть в лицо.

Иногда, проснувшись, она просто лежала и смотрела в потолок. Если не была пристегнута к кровати, вставала, делала несколько неверных шагов от койки до окна, прижималась лбом к холодной упругой сетке.

Сейчас встать было трудно. Система мягких кожаных ремней держала ее, к тому же от больших доз препаратов, которые вкололи после недавнего приступа, по всему телу разливалась вязкая тяжелая слабость.

Самого приступа она не помнила. Осталось только смутное чувство стыда за свои безобразные жалобы и крики. Но телеэкран, в котором застыло испуганное, растерянное лицо ее мужа, ясно стоял перед глазами, и голос за кадром, глухой, тусклый, не мужской и не женский, продолжал звучать в ушах.

Она хорошо знала этот голос. Он всегда предвещал беду.

Галина Дмитриевна поерзала в постели. Если бы не сестра, она все-таки сумела бы высвободить запястья, затем щиколотки, она бы встала на ноги и добрела до окошка, держась за мебель. На это ушло бы не меньше получаса, но первая гроза стоила таких титанических усилий. Белые сполохи света были, безусловно, важным посланием, адресованным именно ей, Галине Дмитриевне, и следовало непременно понять его смысл.

Но сестра спала чутко и могла проснуться. Тогда придется разговаривать с ней, смотреть в глаза, сгорать от стыда за то, что вот она, преступница, убийца, все еще живет, коптит воздух своим черным дыханием и вынуждает других, нормальных, здоровых, ни в чем не виноватых людей нянчиться с ней.

И все-таки очень хотелось встать и посмотреть в окно. Галина Дмитриевна осторожно вытянула правую руку из петли. Руки у нее стали такие тонкие, что в ремнях давно пора было проделать новые дырочки.

Минут через двадцать больная бесшумно соскользнула на пол, доковыляла босиком до окошка. Прямо в лицо ей вспыхнула очередная зарница.

Палата была на третьем этаже. Из окна открывался красивый спокойный пейзаж. Старый яблоневый сад вырубил, посадили ровными рядами маленькие юные елки. Дальше, за высоким забором, виднелись край поля и опушка смешанного леса. Сквозь лес, через поле, шла узкая бетонная дорога. Часть ее была видна из окна палаты, и несколько раз Галине Дмитриевне удавалось заметить, как катит по ней одинокий сгорбленный велосипедист в темной спортивной шапочке.

Прямо под окном росла старая яблоня. Она одна уцелела после вырубki сада, раскидистая, корявая, она продолжала щедро плодоносить. Яблоки были мелкие, темно-красные, с приторной вяжущей горчинкой.

Нянька Рая, которая приходила убирать палату, кормить и мыть больную, однажды угостила Галину Дмитриевну джемом из этих яблок. Он был очень вкусный, густой, прозрачный. Рая объяснила, что надо обязательно добавлять немного желатина, а также лимонную цедру и капельку ванили.

Больная продрогла и потихоньку вернулась в постель. Сестра посапывала во сне. Галине Дмитриевне было стыдно даже взглянуть в ее сторону. Бедная девочка возилась с ней, терпела мерзкие истошные вопли, промывала рану на лбу, меняла повязку. Знала бы она, ради кого столько хлопот.

За лесом прокатился слабый громовой раскат, дробь дождя стала звонче и напряженней.

Били барабаны, десять маленьких барабанчиков отбивали торжественную дробь на пионерской линейке, перед выносом флага дружины. Галина Дмитриевна старалась не закрывать глаз, даже не моргать, потому что стоило на миг провалиться в темноту – и сразу мерещился широкий школьный коридор, строй барабанщиков в белых рубашках, красных галстуках, красных пилотках. Третья девочка слева – Люба Гордиенко. Палочки в ее руках мелькали с такой скоростью, что их не было видно. Люба смотрела на Галину Дмитриевну серьезно и печально.

– Ты все еще живешь? И тебе не стыдно? Меня нет, а ты живешь. Я ведь лучше тебя, я была очень хорошая девочка, я много читала, знала наизусть стихи Есенина, Кольцова и Некрасова, я могла бы столько добра сделать людям. Но меня нет, а ты все живешь. Тебе не стыдно?

Тусклый голос, не мужской, не женский, не детский, пульсировал в мозгу. Дробь дождя, тихое уютное сопение медсестры не могли заглушить его. Даже если бы сейчас загрохотали выстрелы, заиграл тяжелый рок, все равно этот тихий голос перекрыл бы все прочие звуки.

– Любушка, прости меня, – прошептала Галина Дмитриевна, – я скоро к тебе приду, осталось совсем немного.

– Да, уже пора, – ответил ей глухой знакомый голос, – ты и так живешь слишком долго.

Раньше, в начале болезни, Галина Дмитриевна слышала голос только в телефонной трубке, но потом он стал звучать сам по себе, все громче и настойчивей. На этот раз слова были произнесены настолько громко, что Галина Дмитриевна удивилась, почему не просыпается сестра.

– Любушка, прости, – повторила она, почти беззвучно, и заплакала.

Люба Гордиенко никогда прежде не тревожила ее в эти единственные, заветные полчаса перед рассветом. Галина Дмитриевна знала, что, если не останется и этой короткой передышки, если присутствие мертвой девочки заполнит все сутки целиком, от полуночи до полуночи, она не выдержит и умрет. Так в чем же дело? Она ведь именно этого хочет. Любушка ждет ее, Любушка простит ее, но только там, а не здесь.

* * *

Пока не нашлось желающих купить за приличную цену малогабаритную “двушку” (сорок квадратных метров, последний этаж шестизэтажного кирпичного дома без лифта, совмещенный санузел, десять минут пешком от метро “Сокол”). Подобрать две пригодные для жизни “однушки” на ту сумму, за которую продалась бы “двушка”, было невозможно. Агент, бойкая крашеная блондинка с вечной сигаретой в углу пунцового тонкого рта, звонила через день и еще ни разу не сообщила ничего хорошего. То предлагала опустить цену, то требовала очередные пятьдесят долларов на рекламу.

Смотреть квартиру приходили редко, и каждый потенциальный покупатель был долгожданным гостем.

Утро майора Арсеньева началось с того, что Марина прокричала из своей комнаты:

– Ты должен быть дома, придут двое “смотрельцев”, в одиннадцать и в три.

– Я не могу, я занят, – Арсеньев приоткрыл дверь и тут же захлопнул ее. Марина лежала посреди комнаты на ковре, водрузив ноги на конструкцию из диванных подушек. На ней не было ничего, кроме черных кружевных трусиков, лицо покрывали ярко-красные пятна, а вместо глаз Арсеньев заметил какие-то желтые кружочки. Ночной гость, вероятно, успел уйти.

– Сегодня твоя очередь! – крикнула она.

– Но ты ведь свободна, ты могла бы их принять, – возразил Арсеньев. Марина ничего не ответила.

– Послушай, я действительно не могу. Ты не работаешь в праздники, а я работаю. Мне к половине двенадцатого надо быть в прокуратуре. И вообще, в ближайшее время ты на меня не рассчитывай, я очень занят.

Высказав все это в дверную щель, Арсеньев постоял немного, не услышал никакого ответа и отправился в душ. Минут через пять сквозь шум воды до него донесся настойчивый стук в дверь. Марина возмущенно кричала что-то.

– Кончится это когда-нибудь или нет? – расслышал он, закрутив краны. – Тебя к телефону, очень срочно! Как же мне все надоело!

Саня завернулся в полотенце, приоткрыл дверь, высунул руку и взял у Марины трубку.

– Привет, Александр Юрич. Твоя бывшая жена – настоящая ведьма. Как ты с ней живешь до сих пор? Я бы повесился.

В ухо залилась вода, было плохо слышно, и голос в трубке показался совершенно незнакомым.

– Кто это?

– Гера из морга. А чего там у тебя хлюпает? Моешься, что ли?

– Да, я в душе. Может, позже перезвонишь?

– Не-е, я потом жрать пойду. Слышь, Юрич, тут вот у меня трупешник, свежачок, неопознанный. Выловили сегодня утром из озера Бездонка. Это в Серебряном бору, неподалеку от Рублевского шоссе, там, где Таллинская улица. Девушка, лет восемнадцать-двадцать, и вроде бы те же феньки. Изнасилование, обстурационная асфиксия, следы пластыря вокруг рта и на запястьях, губы покрашены ярко-красной помадой. Правда, дырки в затылке нет, и одета была, ну, там, платье трикотажное, босоножки. В общем, трупешник пошел как несчастный случай или суицид, никто ни хрена работать не хочет...

– Погоди, как губы покрашены? – нервно перебил его Арсеньев. – Какая помада, Гера, если труп находился в воде?

– Совсем недолго находился, часа два, не больше. Вода ледяная, при такой температуре жир не растворяется, наоборот, застывает. А помада сверхстойкая. В общем, ты, Саня, приезжай, все тебе расскажу, покажу и дам потрогать.

– Хорошо, через сорок минут приеду. Было всего лишь девять утра. Арсеньев поспешно домылся, почистил зубы. На пороге ванной комнаты его ждала разъяренная Марина в полосатом халате. Клубничные хлопья на ее лице высохли, потемнели и напоминали запекшуюся кровь.

– Какое счастье, что все это больше меня не касается, – сказала она. – Гера из морга, труп в воде, у трупа губы покрашены... Господи, Арсеньев, ты хотя бы понимаешь, как ты живешь, в каком дерьме ты так увлеченно копаешься? Слушай, а может, это у тебя сублимация? Может, в глубине души ты маньяк?

– Может быть, – рассеянно кивнул майор, – извини, ты поняла, что мне надо уйти и “смотрельцев” я сегодня принять не смогу?

– Тогда звони агенту и отменяй. Мне тоже надо уйти.

– Тебе надо уйти из вредности, а мне по делам. Вот сама и звони, – пробормотал Арсеньев, пытаясь справиться с раздражением, – неужели ты не можешь принять хотя бы тех, которые придут к одиннадцати? Ведь все равно провозишься еще часа два.

– Нет, Арсеньев, сегодня твоя очередь! – пропела Марина сладким голосом и скрылась в ванной.

Единственное, чего ему хотелось сейчас, – это спокойно позавтракать. Посидеть пятнадцать минут в тишине, выпить чашку крепкого кофе и съесть порцию овсянки быстрого приготовления. Он терпеть не мог эту овсянку в пакетиках, но она его всегда выручала.

“Неужели все-таки серия? – размышлял он, наблюдая, как поднимается кофейная пена в турке. – Допустим, в случае со вторым трупом Гера ошибся или фантазирует. Но все равно похоже на серию. Платный киллер мог изнасиловать, воспользовавшись ситуацией. Странно, не типично. Однако почему нет? Но содранный пластырь, губная помада, идеальный порядок в квартире... Он что, устроил там генеральную уборку? Между прочим, надо хотя бы немного ориентироваться в квартире, чтобы в ней прибраться. То есть он бывал там раньше? Или это сделала домработница? Сколько у нее имелось времени? Вахтерша видела, как она вошла подъезд в одиннадцать сорок. Вызов зафиксирован в одиннадцать сорок пять. А в двенадцать мы уже приехали. Бред! Невозможно убрать квартиру за пятнадцать минут. Значит, это все-таки сделал убийца. Зачем? Искал что-то, потом стирал отпечатки и попутно наводил порядок? Ерунда. В квартире обнаружены отпечатки убитых и домработницы Лисовой. Убийца не снимал перчаток, скорее всего резиновых, хирургических. Нет, серийники действуют совершенно иначе, и платные киллеры ведут себя по-другому. Но и грабители... Во-первых, они грабят... А Гера слишком много пьет”.

– Кашку кушаем? – прозвучал над ним вкрадчивый голос Марины. – Приятного аппетита, служивый. Перед экскурсией в морг очень кстати. Слушай, Арсеньев, а ты вообще

разъезжаться собираешься? Или ты ждешь, что я все возьму на себя, буду, как дура, искать покупателей, варианты, а потом преподнесу тебе ключ от новой квартиры на блюдечке? Может, мне еще и вещички твои собрать?

Давно уже она так много не говорила с ним. Вероятно, ей действительно надо было куда-то уйти и ужасно не хотелось оставаться дома, ждать “смотрельцев”. Но и звонить агенту, отменять потенциальных покупателей она не решалась. Существование под одной крышей угнетало ее даже больше, чем Арсеньева. Присутствие бывшего мужа мешало ей устроить свою личную жизнь, и жаль было терять драгоценное время. Ей было тридцать пять. И выглядела она на тридцать пять, а когда злилась, то на все сорок.

Майор допил кофе и решил, что первую сигарету лучше выкурить уже в машине.

– Эй, а посуду за тобой я должна мыть? Может, тебе еще и шнурки погладить? – неслось ему вслед, и он понял, что Марина все-таки решила остаться дома, принять “смотрельцев”.

* * *

От Геры Масюнина пахло перегаром. Он объяснил, что перебрал накануне вечером и пришлось с утра опохмелиться спиртяшкой.

– Но ты не думай, я отлично соображаю, – утешил он Арсеньева, – зуб даю, тут серия. Это тебе, конечно, не Чикатило, но тоже интересный экземпляр. Короче, жди следующей жертвы с накрашенными губами. И вот что я тебе еще скажу, майор. Он аккуратист, чистюля. Он любит порядок. Видишь, не поленился пластыри отодрать и вообще придал барышне товарный вид, прежде чем бросить в воду. Одел, может, даже и причесал. Эпилептоидный тип, разумеется, с кошмарным комплексом сексуальной неполноценности. У него мама строгая была, наказывала несправедливо, или какая-нибудь фифа в девятом классе больно его, бедняжку, обидела, вот он и рассердился и решил показать им всем, кто в доме хозяин.

Арсеньев глядел на молодую утопленницу и уже без всяких комментариев видел, что Гера прав. Те же полосы на запястьях и вокруг рта, те же царапины на крыльях носа. Все аккуратно, почти не заметно. Но главное, ему вдруг стало казаться, что где-то совсем недавно он уже встречал эту девушку. Или опять она только похожа на кого-то, кого он видел раньше?

– Но ты не обольщайся, Санек, достоверных признаков насильственной смерти я писать не стану. Нету их. Если я внесу в протокол содранные волоски на запястьях и прочую косметику, мне скажут, что это у меня глюки на почве белой горячки. Была бы сперма, тогда да.

– Погоди, ты же сказал – изнасилование.

– Ага, – оскалился Гена, – характерные царапины на внутренней поверхности бедер и прочие феньки, все, как положено. Но я тебе объяснял, он, гад, аккуратный, он чистюля. В первой своей жертве он не сомневался. А тут решил о здоровье подумать и употребил барышню через резиночку. На всякий случай. Между прочим, оказался прав, во-первых, потому, что если бы серология показала одну группу крови, я мог бы со спокойной душой заносить в протокол все прочие феньки. А во-вторых, барышня действительно заразная была. Вот смотри, только что пришли результаты экспресс-анализа. Реакция Вассермана положительная. Сифилис у нее, Саня. А возможно, она еще и ВИЧ-инфицированная, поскольку кололась, пила и вообще вела себя нехорошо, аморально. Вот и потонула, сердечная, в озере Бездонка, то ли с горя, то ли под влиянием абстиненции.

– Может, оно все так и было? – тихо спросил Арсеньев.

– М-мм, – грустно промычал Гена и прикоснулся пальцем к блестящим кроваво-красным губам утопленницы.

Глава 23

Психиатр Валентин Филиппович Сацевич, лечащий врач Рязанцевой, отлично помнил, что последним навещал больную не кто иной, как ее муж. Евгений Николаевич наведывался к жене довольно часто, примерно два раза в месяц. Его загородный дом находился всего в пяти километрах от клиники, а если идти через рощу, по проселочной дороге, и того ближе. Пешком меньше часа, на велосипеде не больше двадцати минут.

Всего за пару дней до происшествия с мобильным телефоном Рязанцев приезжал к жене, часов в девять вечера, один, на велосипеде. Никто, кроме него, не мог передать больной аппарат. Накануне днем, пока Галина Дмитриевна была на прогулке в больничном парке, ее палату обыскивали самым тщательным образом и ничего запрещенного, опасного для больной, не нашли.

Палаты клиники были оборудованы видеокамерами. Постоянного наблюдения за больными не вели, но все происходившее записывалось, и врачи периодически просматривали пленки.

Выслушав рассказ медсестры, Сацевич сначала позвонил домой и выяснил у своего отца, который смотрел все новости подряд, была ли какая-нибудь неприятная информация, связанная с именем Рязанцева. Отец рассказал о прямом эфире, об ужасном звонке и даже описал голос анонима – ни мужской, ни женский. Затем доктор просмотрел кассету, на которой была записана последняя встреча четы Рязанцевых, и обнаружил, что Евгений Николаевич не оставлял жене телефона. Он принес ей немного фруктов, баночку черной икры, попросил у няньки посуду, хлеба и масла, сделал пару бутербродов и кормил Галину Дмитриевну из рук. Она согласилась есть только потому, что он обещал ей за это прочесть письмо от старшего сына. Со стороны все выглядело очень трогательно. Он провел в палате около двадцати минут. Говорили они в основном о детях, Галина Дмитриевна беспокоилась из-за того, что у младшего сына может обостриться весенняя аллергия, Евгений Николаевич мягко убеждал ее, что в Англии врачи не хуже наших.

На прощанье они нежно расцеловались, и Галина Дмитриевна, как всегда, попросила поискать у нее в комнате зеленую общую тетрадь в клеточку. Что это была за тетрадь, существовала ли она на самом деле и что могло в ней быть написано, не знали ни Евгений Николаевич, ни доктор. Комнату Галины Дмитриевны десять раз обшарили, ничего похожего не нашли. В ее палате, в тумбочке, лежало несколько разных тетрадей, купленных в магазине, новых и чистых, в клеточку, с зелеными обложками, но Галина Дмитриевна к ним не прикасалась, повторяя, что ей нужна ее тетрадь, вся исписанная, а эти чужие, пустые.

Сацевич, конечно, попытался поговорить с самой Галиной Дмитриевной, спросил, не помнит ли она, кто передал ей телефон и кто велел включить телевизор именно в начале двенадцатого. Больная стала объяснять, что телефон был посланием оттуда и ей в очередной раз дали понять, что хватит ей жить, пора и честь знать. Это справедливо, поскольку она страшная преступница и заслуживает смерти. Единственный способ спасти ее родных – умертвить ее, мерзкую, греховную, и так далее.

Это был типичный бред Котара, то есть бред собственной отрицательной исключительности, характерный для инволюционного психоза. Ничего иного доктор не ожидал услышать.

Загадка с телефоном была крайне неприятной. Если бы дело касалось обычной больной, Сацевич просто обратился бы в милицию. Но в данном случае об этом не могло быть и речи. Главный врач, лечащий врач, несколько медсестер и нянь – все, кто имел доступ в “VIP” – отделение, получали дополнительные суммы за соблюдение строжайшей секретности. Для остального персонала больницы Галина Дмитриевна существовала под другим

именем. А сам Рязанцев, когда приезжал к жене, проходил не через пост охраны, а через заднюю калитку, которой пользовался только персонал и от которой у него был ключ.

Дождавшись утра, Сацевич позвонил партийному лидеру на дачу. Трубку взял начальник охраны и сообщил, что Евгений Николаевич еще спит. Доктор не стал по телефону излагать суть проблемы, только сказал, что дело очень срочное и может иметь прямое отношение к трагическим событиям в пресс-центре.

– Вы приедете сами? Или прислать за вами машину? – спросил Геннадий Егорович.

Поскольку Сацевич успел после ночного дежурства взбодрить себя большой рюмкой коньяка, он предпочел, чтобы прислали машину. Через час он уже поднимался на крыльцо загородного дома Рязанцева.

Встретивший доктора охранник попросил подождать на веранде. Тут же появилась толстая женщина в спортивном костюме и предложила чай или кофе. Сацевич скромно признался, что еще не завтракал и с удовольствием выпьет крепкого кофейку. Когда женщина удалилась, он от нечего делать принялся листать свежие газеты, сваленные на журнальном столе, и наткнулся на информацию об убийстве Виктории Кравцовой и гражданина Америки Томаса Бриттена.

Газета была безусловно “желтая” и скандальная. Половину первой полосы занимала цветная фотография, на которой Рязанцева запечатлели вместе с яркой холеной шатенкой и широкоплечим мужественным господином (аккуратный седой бобрик, очки в тонкой оправе). Под фотографией была потрясающая по остроумию подпись:

“Богатые тоже плачут”. Никто из троих, пойманных наглой камерой светского репортера, не плакал, но ниже объяснялось, что для партийного лидера безвременная гибель красавицы пресс-секретаря, да еще в компании с американским коллегой – тяжелая личная драма. Недаром он исчез из прямого эфира сразу после анонимного звонка, и не случайно все окружено такой страшной секретностью. Все, кто мог бы пролить свет на это двойное убийство, – пресс-центры МВД и ФСБ, сотрудники американского посольства, люди из окружения Рязанцева – категорически отказываются говорить с журналистами. У всех только один ответ: “Без комментариев”.

Доктор сочувственно хмыкнул и мысленно поздравил себя с тем, что не является столь популярной личностью и что каждый его шаг не сопровождается жадным клацаньем фотокамер и наглыми двусмысленными вопросами.

За господином Рязанцевым давно и прочно закрепилась репутация гульбуна, бабника. На нее работали вовсе не факты и даже не слухи, а мужская привлекательность, игривый взгляд, кошачья хитрая улыбка. Евгений Николаевич нравился женщинам, но использовал это свое счастливое качество исключительно в партийных интересах.

Доктору Сацевичу доводилось лечить от депрессий, запоев, наркозависимости, нервных переутомлений и прочих хворей не только родственников известных людей, но и самих знаменитостей, прежде всего политиков и крупных бизнесменов. Если бы его спросили, возможно ли, что, имея психически больную жену, Евгений Николаевич Рязанцев завел себе любовницу, психиатр ответил бы однозначно и уверенно: нет. Только темные обыватели верят в подобные глупости. Во-первых, это огромный риск. Во-вторых, настоящая, высокая политика требует полнейшей аскезы. Она выматывает, высасывает все соки. Ни на что другое просто не остается сил. Постоянные стрессы, недосыпание и нервные перегрузки не способствуют мужской потенции. Кому, как не придворному психиатру, знать эту пресную правду?

Спортивная толстуха вкатила сервировочный стол, и скромность завтрака несколько огорчила Валентина Филипповича. Кроме чашки кофе на столике были яйцо, поджаренный хлеб, масло, пара салатных листьев и сыр, нарезанный мелкими кубиками.

Цокая ложкой по яичку, Сацевич попытался на миг представить, что произойдет, если именно сейчас, в связи с двойным убийством и грязными намеками, в прессу просочится информация о том, где на самом деле находится супруга господина Рязанцева, какой у нее диагноз, какие приступы случаются, сколько зафиксировано попыток суицида. И не успел он счистить скорлупу, не успел дорисовать картину громкого, губительного скандала, как внутренняя дверь открылась и на веранде появился сам Евгений Николаевич в сопровождении начальника охраны.

Рязанцев был одет совсем по-домашнему: потертые джинсы, синяя футболка.

– Приятного аппетита, – сказал он, усаживаясь напротив доктора, и попытался улыбнуться, но получился мучительный нервный оскал.

– Ну, что там у вас произошло? – мрачно поинтересовался Геннадий Егорович. В отличие от интеллигентного хозяина, он был груб и резок, не считал нужным даже здороваться. И доктор решил не спускать ему этого хамства.

– Честно говоря, мне бы хотелось обсудить эти сначала наедине с Евгением Николаевичем, – произнес он, осторожно слизывая с ложки каплю теплого яичного желтка, – при всем уважении к вам, я не могу говорить при третьем человеке.

Начальник охраны уставился на доктора тяжелым сверлящим взглядом, но доктор сам был мастером всяких взглядов, и в течение нескольких секунд оба тщетно дырявили друг друга глазами. Первым сдался охранник. Он отвернулся и злобно буркнул:

– У Евгения Николаевича от меня нет секретов.

– Егорыч, выйди, пожалуйста, – устало вздохнул Рязанцев.

Лицо охранника побагровело.

– Вы плохо себя чувствуете. Вы не спали ночь, – напомнил он хозяину.

– Ничего, – успокоил его Рязанцев, – ко мне ведь не кто-нибудь пришел, а доктор. Я хочу остаться с ним вдвоем.

Егорыч удалился, и было видно, что он едва сдержался, чтобы не хлопнуть дверью.

– Не удивлюсь, если он будет подслушивать, – прошептал Сацевич.

– Это его работа, – пожал плечами Рязанцев.

– Вы ему полностью доверяете? – доктор впервые внимательно взглянул на Рязанцева, заметил следы бессонницы и долгих, тяжелых слез.

«А может, и не врет желтая газетенка? – подумал он. – Может, я, старый дурак, ошибаюсь, и была у него любовь с красавицей пресс-секретарем?»

– Кому же мне доверять, как не руководителю службы безопасности? – криво усмехнулся Рязанцев.

– Это верно, – кивнул доктор, – но все-таки я на вашем месте не стал бы подпускать чужих так близко к своим семейным проблемам.

– Именно его? Или вообще никого?

– Ну, никого – это было бы идеально, – улыбнулся доктор. – Ладно, давайте я расскажу, почему решил побеспокоить вас.

Рязанцев выслушал, не перебивая, не задавая вопросов. Голова его была низко опущена, и только пальцы все время двигались, щелкали застежкой браслета от часов.

– То есть получается, что мне в прямой эфир и моей жене в больницу звонил один и тот же человек? – уточнил он равнодушным, тусклым голосом и потянулся за сигаретами.

– Получается еще неприятней, – печально улыбнулся Сацевич, – этот человек имел возможность передать ей телефон. Если вы помните, мы с самого начала решили, что телефоном ей лучше не пользоваться. Кто из ваших домашних знает, где находится Галина Дмитриевна?

– Только сыновья, Егорыч и Вика, – быстро произнес Рязанцев, болезненно зажмурился и принялся массировать виски.

– Голова болит? – сочувственно спросил доктор.

– Все кувыркот, все не так, – простонал Рязанцев сквозь зубы. – Господи, ведь она была единственным человеком, которому я верил безгранично.

– Галина Дмитриевна? – осторожно уточнил доктор.

Рязанцев взглянул на него тоскливо, затравленно и ничего не ответил.

– Могу представить, что для вас остаться без пресс-секретаря – это настоящая катастрофа, – вздохнул доктор после долгой неловкой паузы. – Неужели некому заменить ее, хотя бы временно? У депутатов, насколько мне известно, куча всяких секретарей, помощников.

– Ай, ерунда, одна видимость. Толпа бездельников и дармоедов. Так на чем мы остановились?

– Вы назвали четырех человек, которым известно, где ваша жена. Один из них уже не в счет. Сыновья ваши, Дмитрий и Николай, учатся в Англии. Кто же остается?

– Вы хотите сказать, что Егорыч мог затеять какую-то свою игру против меня? – произнес Рязанцев с вымученной скептической усмешкой.

– Ничего такого я вам не говорил. Вы сами это произнесли, – мягко заметил Сацевич.

– Зачем ему? Он получает большие деньги, у него все есть.

– Знаете, такая плотная близость к власти рождает серьезные амбиции. Он рядом с вами, но всегда в тени. Вы не допускаете, что ему может это быть обидно? Впрочем, это меня не касается. Если ваш телохранитель слушает нас сейчас, то я уже нажил себе смертельного врага. Но, поскольку терять мне теперь нечего, я позволю себе дать вам один совет. В этом телефоне, – он вытащил из портфеля маленький черный аппарат фирмы “Панасоник”, – есть карточка. Наверняка существует техническая возможность расшифровать ее. Когда покупают номер, обязательно надо предъявить паспорт. Конечно, паспорта бывают и поддельными, но все-таки это серьезная зацепка, согласитесь. Так вот, мне кажется, будет лучше, если этим займется не ваша служба безопасности, а кто-то другой. Ну, я не знаю, можно обратиться в частное детективное агентство, можно хорошо заплатить какому-нибудь сотруднику милиции, из тех, что расследуют убийство вашего пресс-секретаря, и попросить о конфиденциальной помощи. Знаете, среди них тоже иногда попадаются порядочные люди. Простите, вы меня слушаете?

– А? Да, конечно, – Рязанцев все это время вертел в руках аппарат, нажимал кнопку меню. – Пожалуйста, наберите номер, – он назвал семь цифр, и доктор тут же набрал их на своем аппарате. Раздался тихий звонок. Несколько секунд оба, как замороженные, молча слушали нежное мелодичное треньканье; наконец Рязанцев нажал отбой.

Дверь внезапно открылась, заглянула спортивная толстуха и спросила:

– Еще кофе?

– Нет, – помотал головой Рязанцев.

– Женя, ты не завтракал, а куришь, – заметила она с упреком, – давай я тебе хотя бы сметанки с ягодами принесу. И кофейку, а, Женечка?

– Света, уйди, пожалуйста, – поморщился Рязанцев.

Женщина, обиженно поджав губы, удалилась.

– Кто она? Родственница? – шепотом спросил доктор, кивнув на дверь.

– Почти. Не важно, – Рязанцев раздраженно махнул рукой и, помолчав, медленно произнес:

– Это мой мобильник. Я потерял его месяца три назад, оставил где-то в Думе, то ли в буфете, то ли в зале заседаний.

Повисла тишина. Доктор молча, задумчиво постукивал пальцами по краю стола. Рязанцев как будто вообще заснул, прикрыл глаза и дышал тяжело, со свистом. Скрипнула дверь, и оба сильно вздрогнули. На пороге появилась спортивная толстуха Света с телефоном в руке.

– Прости, – прошептала она и сделала жалобные, испуганные глаза, – тебя из прокуратуры, какая-то Лиховцева, следователь. Я пыталась объяснить, что ты занят, но она сказала – срочно.

Рязанцев взял трубку. Она была горячей и влажной от Светкиной ладони.

* * *

Перед началом совещания майора Арсеньева отозвал в сторонку его непосредственный начальник подполковник Хабаров и тихо, тревожно спросил:

– Саша, ты зачем сегодня утром помчался в морг?

– Откуда вы знаете? – удивился Арсеньев.

– Твоя бывшая супруга доложила. Я звонил тебе утром. Так в чем дело?

Арсеньев подробно рассказал о неопознанной утопленнице со следами пластыря и накрашенными губами.

– Бред, – решительно помотал головой Хабаров, даже не дослушав до конца, – ты хоть сам понимаешь, какой это бред? Ты бы лучше потрудились ознакомиться с протоколом вскрытия Кравцовой и Бриттена. Ни о какой губной помаде, ни о каком изнасиловании там нет ни слова.

– Ну я же вам докладывал, Василий Павлович, – поморщился Арсеньев, – эксперт сообщил мне все это, так сказать, в частном порядке и предупредил, что в протокол вносить не станет.

– Правильно. Потому что протокол вскрытия – не глава из фантастического триллера, а официальный документ. После твоего горе-эксперта трупами занимается бригада судебных медиков во главе с профессором Бирюковым, и никаких повреждений, кроме пулевых ранений, не обнаружено, о чем имеется официальное заключение.

– А помада?

– Какая помада, Саша? – подполковник посмотрел на него с жалостью, как на тяжело больного. – Тебе не приходило в голову, что миллионы женщин имеют привычку красить губы? Сейчас без конца рекламируют по телевизору всякую помаду, суперстойкую, которая в воде не смывается и в огне не горит. Почему это должно иметь отношение к убийству? Ну зачем, зачем профессиональному киллеру красить губы мертвой жертве? Был бы он псих, так он бы порезал, погромсал, откусил бы что-нибудь, расчленил, разложил по коробкам и отправил ценными бандеролями в разные города. В крайнем случае, он бы и Бриттену что-нибудь там накрашил. Кстати, о психах. Этот твой эксперт – Масюнин, кажется, его фамилия? Так вот, этот Георгий Масюнин – хронический алкоголик. Он тебе наплел невесть что, а ты уши развесил.

– Но ведь поручили хроническому алкоголику такое ответственное дело, значит, он не самый плохой специалист, – задумчиво произнес Арсеньев. – К тому же я своими глазами видел следы пластыря на запястьях и вокруг рта и помаду на губах. Не могла она самой себе, мертвая, накрашивать губы.

– Почему мертвая? Может, еще живая, – усмехнулся Хабаров, – мало ли какие у нее были привычки? Может, американцу это так сильно нравилось, что он ее попросил?

– Да нет же, нет! Она была уже мертвая, когда убийца отодрал пластырь. И со вторым трупом, между прочим, такая же история. Сначала изнасиловал, убил, а потом как бы привел в порядок, понимаете?

– Что, у Бриттена тоже следы изнасилования, удушения и губы накрашены? – подполковник изобразил на лице комический испуг.

– Да нет, я имею в виду утопленницу.

– При чем здесь утопленница? – шепотом закричал подполковник. – Какая, к едрене фене, утопленница? Наркоманка, проститутка с сифилисом! Сколько таких вылавливают из водоемов в Москве и Московской области, знаешь? Несчастный случай или суицид, другой округ, все другое, все! Мы расследуем двойное убийство, Саша, на нас лежит огромная ответственность. Это политика, это деньги, это международные отношения, а ты лезешь со своей утопленницей. Тьфу на тебя, Арсеньев! – подполковник нервничал всерьез. Он вспомнил, и несколько длинных прядей, прикрывавших лысину, свалились набок.

– Но ведь много же общего, Василий Павлович.

– Что, у утопленницы обнаружены огнестрельные ранения?

– Нет, но...

– Ой, ладно, хватит, Саша, я устал от тебя, честное слово.

– Изнасилование... – неуверенно возразил Арсеньев.

– Какое изнасилование? Мужчина и женщина ночь провели в одной постели. Как ты думаешь, они там обсуждали перспективы российско-американских культурных связей? Или предстоящую пресс-конференцию? Или составляли тезисы для речи господина Рязанцева?

– Нет, я понимаю, но серология показала...

– Ничего она не показала. Кроме Томаса Бриттена, никто к убитой не прикасался. И все, хватит об этом. Я тебя умоляю, Арсеньев, займись ты делом, наконец. В кои это веки доверили что-то серьезное.

– Ну хорошо, хорошо, я понял. Никакой связи с утопленницей нет. Серии здесь быть не может. Но, извините, не могла Кравцова оказывать сопротивление Бриттену! А на бедрах характерные ссадины...

– Наивный ты человек, Саня, – вздохнул Василий Павлович, – в этом деле у всех вкусы разные, мало ли как ей нравилось, как ему... Некоторые во время этого дела наручники надевают, намордники, кусаются, царапаются, чтобы словить дополнительный нездоровый кайф. Любовь, товарищ майор, штука сложная. Ты же над ними свечку не держал.

– А звонок в эфир?

Подполковник откашлялся, приблизил лицо к стеклу открытого окна, критически оглядел свое смутное отражение.

– У такого крупного политика, как Рязанцев, хватает врагов и завистников. Мало ли кто захотел воспользоваться ситуацией и сделать ему гадость? Ты спроси у операторов на телевидении и на радио, сколько хулиганов и придурков ежедневно звонят в прямой эфир, особенно когда выступают знаменитости, – он аккуратно положил на место и разгладил длинные пряди, от левого виска к правому.

Пока шло совещание, Арсеньев чуть не уснул. Сначала он слушал выступавших чрезвычайно внимательно и пытался понять, о чем они говорят. Наконец понял: ни о чем. Это особое искусство – долго, связно говорить и ничего не сказать. Члены объединенной оперативно-розыскной бригады были похожи на людей, которые пытаются перейти пропасть по жердочке с завязанными глазами. Одно неосторожное движение – и кубарем полетишь вниз. Проводить расследование нормальными, общепринятыми методами невозможно. Начни добросовестно, честно работать, сунься с допросами и обысками в сложный, закрытый для посторонних глаз мир думской фракции – и все потонет в публичных скандалах, тебя в лучшем случае смешают с дерьмом. Но если ничего не делать, никого не трогать и дать следствию зависнуть, будет еще хуже. Начнут вопить, что ты нарочно тормозишь дело, ты паук, который плетет паутину заговора молчания вокруг политических заказных убийств, ты агент темных сил, коварный наймит и так далее. В общем, как бы ты ни поступил, окажешься кругом виноват.

Выступавшие отчитывались о проделанной работе, перечисляли предпринятые за прошедший период оперативно-розыскные мероприятия.

Допросы свидетелей, которые ничего не видели и не знали. Главная свидетельница, домработница убитой Лисова Светлана Анатольевна, на телефонные звонки не отвечала. Ей была послана официальная повестка, принимались меры по установлению ее местонахождения. В ходе предварительного расследования возникли две основные версии. Убийство заказное, совершено по политическим мотивам, поскольку убитые принадлежали к близкому окружению крупного политика. Убийство бытовое, совершено из ревности, поскольку между убитыми существовала тайная любовная связь. Из вышесказанного проистекали две версии о личности убийцы. Первая – это профессионал, нанятый за деньги, и заказчика следует искать среди политических противников председателя думской фракции “Свобода выбора” господина Рязанцева Е.Н. Вторая версия – это непрофессионал, но действовавший продуманно и хладнокровно, обладающий высокоразвитыми интеллектуальными способностями и знаниями в области криминалистики. В противном случае он оставил бы хоть какие-нибудь следы на месте преступления.

В кабинете нельзя было курить. Арсеньев теребил сигарету, поглядывал на часы и думал о том, что заказать Кравцову и Бриттена по политическим соображениям могли десятки людей, а убить из ревности могли только трое. Жена Томаса Бриттена, проживающая в США. Жена Рязанцева, в данный момент находящаяся в Италии. Сам Рязанцев.

Между прочим, он никуда из Москвы не уезжал, обладает высокоразвитыми интеллектуальными способностями, имеет ключ от квартиры, знает шифр кодового замка черного хода, и хотелось бы посмотреть на несчастного, которому придется его допрашивать.

Отчеты закончились. Следователь по особо важным делам Лиховцева Зинаида Ивановна изложила план дальнейших мероприятий и стала раздавать конкретные поручения. На оперативников ФСБ возлагалось общение с сотрудниками американского посольства, тщательное изучение политической и экономической ситуации вокруг партии “Свобода выбора”, включая беседы с сотрудниками двух пресс-центров, партийного и думского.

– Майор Арсеньев, вам предстоит встретиться с Евгением Николаевичем Рязанцевым. Он ждет вас сегодня у себя дома в семнадцать тридцать. Никакого протокола не надо, это будет не допрос, а беседа. Старайтесь вести себя как можно тактичней. О результатах доложите мне лично. Вы меня слышите, Александр Юрьевич?

* * *

В саду взвыла газонокосилка, разговаривать стало невозможно.

– Я вас провожу, – прокричал Рязанцев, тяжело поднимаясь.

Можно было, конечно, распорядиться, чтобы агрегат выключили, и продолжить разговор, но у Евгения Николаевича больше не было сил обсуждать с доктором, кто стащил один из его мобильных телефонов, каким образом злодей проник в больницу к Галине, как ему удалось узнать пин-код.

Каждый при желании мог выяснить, где на самом деле находится Галина, украсть один из его мобильных телефонов, узнать пин-код. Последнее совсем просто. Рязанцев всегда пользовался двумя, а то и тремя номерами и аппаратами. Чтобы не путаться, пин-код был одинаковый. Его знали Вика, Егорыч и наверняка кто-то еще из приближенных. Все это было, безусловно, важно и интересно, но Евгений Николаевич вдруг захотел спать, да так сильно, что зевота буквально сводила ему челюсти, а в глазах стоял дрожащий липкий туман.

– Вам надо отдохнуть, хотя бы пару часов! – прокричал доктор на прощанье. – Если будут какие-нибудь новости, я сразу позвоню.

Рязанцев написал ему на визитке тот секретный номер, которым могли воспользоваться не больше десяти человек. Аппарат он держал при себе постоянно и всегда сам отвечал на звонки.

Возвращаясь к дому, Евгений Николаевич вдруг вспомнил, что сегодня вечером он должен быть в Шереметьево-2, встречать делегацию Международного комитета по правам человека при ООН. Но в котором часу они прилетают, в каком составе и какие запланированы мероприятия, он не знал.

В голове закрутились пресс-конференции, презентации, переговоры. Открытие фотовыставки, посвященной жертвам тоталитаризма. Интервью итальянской газете и японскому телевидению. И еще куча всего, мутного, важного, мучительного.

Сквозь рев газонокосилки до него долетел механический голос: “Абонент временно недоступен”, и он понял, что звонит Вике на мобильный. Нет, не потому, что тихо сходит с ума, а просто потому, что больше позвонить некому.

Он брел, как сомнамбула, ничего не видел перед собой, сбился с тропинки и чуть не налетел на садовника. Опомнившись, он ткнул пальцем в сутулую спину и крикнул прямо в лохматое ухо старика:

– Прекратите! Зачем вы это делаете? Садовник вздрогнул, обернулся, долго не мог сообразить, как выключить свой ревущий агрегат, наконец нашел нужный рычажок, повернул его и застыл перед хозяином, вытянув руки по швам.

– Зачем вы косите? Трава еще не выросла! – в наступившей тишине голос Рязанцева прозвучал отвратительно резко.

– Так, это самое, она же, это, ровненько должна расти, гладенько, чтоб как коврик. Ее надо, это, с самого начала, пока молодая, стричь, – забормотал старик с дурацкой виноватой улыбкой.

“Зачем я лезу не в свое дело? Что я привязался к садовнику? Почему он улыбается? Почему не смотрит в глаза? – думал Рязанцев, покрываясь липким потом от нервной усталости и отвращения ко всему миру. – Он тоже все знает, этот старик. Я забыл, как его зовут, а он, оказывается, все про меня знает и смеется надо мной”.

Рязанцев резко развернулся, шагнул к тропинке и услышал позади высокий стариковский фальцет:

– Так это, Евгений Николаевич, мне косить или нет?

“Доктор сказал – голос был высокий, не мужской, не женский, как будто говорило бесполое существо. И аноним говорил таким же голосом”.

– Как хочешь, – бросил он и махнул рукой.

Косилка опять заработала. Рязанцеву показалось, что в спину ему застрочил пулемет.

“О Боже, теперь я начну подозревать всех и каждого! Надо действительно обратиться к кому-нибудь, чтобы разобрались с этими звонками. Хотя бы к тому милиционеру майору. Люди из ФСБ дружат с Егорычем. Не исключено, что вся эта пакость исходит именно от него. А милиционер сам по себе, у него лицо приятное. Он не станет болтать и вести какую-нибудь свою игру, я заплачу ему, и он все сделает тихо”.

Когда он поднялся на крыльцо, маленький аппарат в кармане джинсов неприятно завибрировал. Он открыл крышку и увидел, что на табло высветился один из номеров, внесенных в память. Ему звонил миллионер Джозеф Хоган, глава концерна “Парадиз”. Он поспешил внутрь дома, закрыл двери, чтобы не мешал рев газонокосилки.

– Хау ар ю, Дженья? – пробасил мягкий, сочувственный голос в трубке.

Евгений Николаевич перешел на английский. Когда в комнату сунулась розовая от жары физиономия Светы Лисовой, он раздраженно замахал на нее рукой.

Миллионер выразил теплые и искренние соболезнования, подробно поинтересовался здоровьем и настроением, пригласил через недельку-другую приехать на несколько дней в

Ниццу и отдохнуть на его, Джо Хогана, вилле, потому что после тяжелых нервных потрясений необходима разрядка и смена обстановки.

– Представляю, как трудно найти замену такому отличному пресс-секретарю, как Виктория. Есть у тебя какие-нибудь кандидатуры?

– Пока нет, – честно признался Рязанцев и тут же испугался, что Хоган начнет по телефону обсуждать случившееся, заговорит о Томасе Бриттене. Но опасения оказались напрасными.

– Хочу тебе еще раз напомнить о моей протекции мисс Григ, – радостно и таинственно, как о большом подарке, сообщил Хоган.

– Прости, Джо, я совсем забыл. Ее что, нужно встретить?

– Нет. Не волнуйся, это не твои проблемы. С ней вообще не будет никаких хлопот, наоборот, она может временно избавить тебя от многих проблем, в определенной степени заменить Вику.

Советую тебе сразу поактивней привлекать ее к работе. Чрезвычайно толковая и надежная молодая леди, отлично знает русский, умеет общаться с прессой. Кстати, ты с ней уже знаком. Четыре года назад она слушала твои лекции в Гарварде.

– Ну, там было столько студентов, я вряд ли помню. Повтори, пожалуйста, еще раз, как ее зовут.

– Мери Григ. Мне кажется, ты должен ее вспомнить. Она выделялась из общей массы. Вы с ней отплясывали рок-н-ролл на вечеринке в честь юбилея факультета. Худенькая блондинка с ангельским лицом. Запиши номер ее мобильного. Можешь позвонить ей прямо сегодня, часов в восемь вечера.

Рязанцев еще не закончил говорить, а в комнате опять появилась Светка Лисова, вкачала сервировочный столик, и как только он попрощался с Хоганом, принялась совать ему прямо в рот ложку сметаны с малиной.

– Ну Женечка, ну пожалуйста, за мое здоровье.

Он, поморщившись, взял ложку у нее из рук и стал есть, не чувствуя вкуса.

– Вот молодец, теперь за Димочку, теперь за Коленьку, за Галочку, – Света урчала, как кошка, которую приласкал хозяин, – сейчас покушаем и баиньки, хотя бы на пару часиков.

Давно прошло то время, когда его бесило это приторное, с придыханием, сюсюканье. Он привык принимать людей такими, какие они есть. При всех своих бесчисленных недостатках Светка Лисова была самоотверженно предана его семье. Многие годы, в самых ужасных ситуациях, она оказывалась рядом, и даже очень кстати. Могла накормить, прибрать, сбегать в аптеку, полностью перевалить на себя заботы о детях. Да, это сопровождалось потоком слов, умильных и высокопарных, глупых и до тошноты банальных. Но ни упреков, ни намеков, ни колкостей. Такова была Светка, бестолковая, нудная, но добрая и верная. И было бы жестоко прогнать ее от себя.

– Теперь зеленого чайку. Кофе я уж не стала варить, ты поспишь, через пару часиков я тебя разбужу и сварю крепкого кофе. А что это был за мужчина с седой шевелюрой?

– Так, по делу, – буркнул Рязанцев и глотнул отвратительного, слишком горячего и терпкого зеленого чая, – все, Светка, спасибо, иди, я прилягу.

– Нет, я, конечно, не лезу в твои дела, но мне кажется, он немножко вампир, этот седой мужчина. Он тебя завел и совершенно вымотал. Не понимаю, как так можно, после всего, что тебе пришлось пережить? Ну вот скажи, откуда в людях столько жестокости, эгоизма? Если раньше этого хотя бы стеснялись, то сейчас оно все лезет наружу и стало общепринятой нормой. Никакого сочувствия и такта. Ввалиться в дом к такому известному, занятому человеку, нагло потребовать завтрак, как так можно, не понимаю! Ну вот объясни мне, что ему было от тебя нужно?

– Света, пожалуйста, я очень устал, – простонал Рязанцев, скинул кроссовки, улегся на кабинетный диван и отвернулся к стене.

– Нет, мне просто интересно, чего хотел этот человек, он ведь вроде бы не мальчик, чтобы не понимать элементарных вещей, и лицо у него вполне интеллигентное, – продолжая ворчать, она накрыла его вязаным пледом, чем-то еще пошуршала, позвякала и наконец удалилась.

Глава 24

В пресс-центре думской фракции “Свобода выбора” безответно заливались телефоны, на экранах включенных компьютеров уныло вились разноцветные ленты, плавали экзотические рыбы. Теплый сквозняк гонял по столам и по полу всякие важные бумаги. Сотрудники собрались в комнате отдыха. Первый шок остался позади. Маленький кабинет Вики был опечатан.

Все десять раз переговорили, все возможные и невозможные версии высказали. Заместитель Вики, Феликс Нечаев, сорокалетний рыхлый юноша с пегими волосами до плеч, единственный человек, который по идее мог бы сейчас ее заменить, отчаянно зевал, пил коньяк из кофейной чашки и поедая вялые ломтики лимона, разложенные на блюде. Пальцы его были липкими, лицо потным и отечным.

– Вот такие дела, – повторял он, лениво поигрывая связкой ключей с брелоком-колокольчиком. Колокольчик звенел, брелок без конца падал на пол. Феликс поддевал его острым носком ботинка, подкидывал, ловил на лету.

– Прекрати! – не выдержала секретарша Наташа Дронкина, крепко сбита высокая блондинка. Ее приятную внешность безнадежно портили несколько выпуклых щетинистых родинок на щеках и на подбородке, каждая размером с горошину.

– Что тебе не нравится? – лениво поинтересовался Феликс.

– И так в ушах звенит, а тут еще ты со своими ключами, – проворчала Наташа, громко возмущенно всхлипнула, достала пудреницу и занялась своим лицом.

– Он все наиграться не может, – подал голос компьютерщик Вадик, длинный и худой, бритый налысо, с серебряной серьгой в ноздре, – неделю назад купил наконец тачку, вот и гремит ключами, как младенец погремушкой.

– Что ж ты коньяк с утра хлещешь, если за рулем? – покачала головой Наташа. – Жить надоело?

– Надоело, – оскалился Феликс, – до того похабная жизнь пошла, что и правда надоело.

– А вот Вике, наверное, не надоело жить, – заметила из глубины комнаты младший редактор Лиля Осипенко, маленькая, круглая, с вытравленными до белизны волосами и крупным вздернутым носом, – а всем плевать. Был человек – и нет. Подумаешь, какая ерунда! Что вы за люди, не понимаю, честное слово!

– Ну нам теперь повеситься, да? – раздраженно прорычал компьютерщик Вадик.

– Нет, я не могу, не могу, – Лиля громко зарыдала, к ней тут же подседа старший редактор Тата, поджарая дама с серебристым бобриком волос, в очках в толстой розовой оправе.

– Деточка, не надо. Мы все переживаем, но каждый по-своему. Одни люди могут выплескивать свои чувства, как ты, другие все держат в себе.

– Слышь, а какая тачка у тебя? – шепотом спросил молоденький курьер Костик Терентьев, подходя к Феликсу и опускаясь перед ним на корточки.

– “Фольксваген-гольф”, – небрежно ответил тот и в очередной раз поддел ногой упавшую связку ключей.

– Новая?

– Ну, почти. Девяносто седьмого года.

– Вроде Вика такую недавно покупала, – вспомнил Костик.

– Ага. Если только для своей домработницы, продукты из супермаркета возить, – выразительно скривился Феликс. – У леди была бирюзовая “Хонда”.

– Нет, правда, я помню, она говорила про “Фольксваген”. Она хотела вторую машину, именно “гольф”.

– Может, и хотела, теперь уж не хочет, – Феликс потянулся, хрустнув суставами, – и вообще, отстань. У нас тут траур, а ты все о тачках. Нехорошо это, Костик.

– А нашему Костику все по фигу, – подала голос секретарша, – он у нас поколение-нэкст. Когда его отца арестовали, он тут учил Вику чечетку танцевать.

– Ой, ну не надо, не надо мне морали читать, – махнул рукой Костик, – когда это было? Ты все забыть не можешь! К тому же папульку почти сразу выпустили. Морду набили и выпустили.

– О Боже! – Наташа вздохнула и закатила глаза к потолку. – Ив кого ты такой жестокий бесчувственный идиот? Отец физик, доктор наук, мама искусствовед. Морду набили! Это ж надо!

Молоденький курьер скорчил кислую рожу, махнул рукой на Наташу и продолжил приставать к Нечаеву:

– Феликс, Феликс, а ты свою где купил?

– Приятель из Германии пригнал.

– Сколько взял за перегон?

– Восемьсот.

– Это недорого. У меня тут бывший одноклассник тоже подрядился гонять машины из Германии, он такое рассказывал, жуть. Почти пятьдесят часов за рулем, все дерут деньги, кому не лень, погранцы, полиция, таможня, сейчас еще всякие “зеленые” экологи появились, требуют пошлину за вред окружающей среде. Ну и бандюки, конечно, как же без них? Говорят, им сами погранцы сообщают, кого стоит грабануть, у кого есть что взять. К примеру, остановишься поспать в Белоруссии, обязательно нарвешься на бандюков. Такса минимум сто баксов. Откажешься платить – все, кранты, в лучшем случае останешься без тачки, в худшем замочат.

– Господи, о чем вы говорите? – простонала сквозь слезы Лиля, но никто ее не услышал. Тата вновь углубилась в чтение глянцевого женского журнала, Наташа красила ресницы, Вадик задремал.

Дверь была плотно закрыта. Мимо процокали каблучки секретарши одного из помощников Рязанцева, и тут же навстречу ей вспухла волна шума. Журналисты, аккредитованные в Думе, с утра клубились в крыле, принадлежащем фракции “Свобода выбора”, и каждого, кто входил и выходил, брали в плотное кольцо. Секретарша одного из помощников партийного лидера имела полное моральное право замахать на них руками, забормотать: “Я ничего не знаю!” – и продраться сквозь строй к лифту, а потом в буфет. Но сотрудники пресс-центра не могли себе этого позволить. Они обязаны были не просто общаться с журналистами, но и дружить с ними, не обижать, кормить эксклюзивной информацией. Взамен журналисты предоставляли главе фракции эфирное время и газетно-журнальное пространство. На этом бартере и держалась основная работа пресс-центра.

Беда заключалась в том, что Вика Кравцова за последние три года успела уволить всех, кто мог бы даже теоретически претендовать на ее место, и собрала вокруг себя совершенно ничемную команду, на фоне которой выглядела блестящей и незаменимой. К подчиненным она предъявляла всего три простых требования: покорность, исполнительность и бездарность. Ей не нужны были чужие идеи, ей хватало собственных.

Взять на себя ответственность и выйти к прессе никто не решался.

– Лезут, лезут, сволочи, – зевнув, произнес Феликс и налил себе еще коньяку, – стервятники, тянет их на мертвечину.

– Ой, перестань, не надо, – поморщилась Тата, – чего делать-то будем?

Этот вопрос давно висел в воздухе. Все понимали, что до вечера так сидеть невозможно. Либо надо начинать работать, либо просто плюнуть, молча продраться сквозь кольцо журналистов и разойтись кто куда.

Феликс зажевал лимоном очередную порцию коньяка, Наташа принялась сосредоточенно начесывать пышную челку, Вадик загасил до фильтра сигарету и тут же достал следующую. И в этот момент дверь распахнулась. На пороге стояла совсем юная стриженная блондинка в белых штанах и полосатой майке.

– Здравствуйте, – сказала она, одаривая всех сверкающей улыбкой, – меня зовут Мери Григ, я из Нью-Йорка. У вас там в предбаннике целая толпа прессы. Вы хотите, чтобы они разошлись? Или вам есть что им сказать?

* * *

Нянька Рая не спеша мыла пол в палате, тряпка тихо чмокала в ведре, за открытым окном щебетали птицы. Койка Галины Дмитриевны была слегка приподнята и развернута к телевизору. Шло дневное ток-шоу.

– Я женским вниманием никогда обойден не был, – надменно сообщил с экрана щекастый мужчина с длинными волосами, зачесанными назад и забранными в хвостик, – у меня всякие были: и зрелые матроны, и девочки молоденькие, и фотомодели, и бизнес-леди, так называемые деловые женщины. Вот этих я просто не выношу.

– Чем же они вам так не угодили? – спросил тоненький вертлявый ведущий в лиловом фраке, с необыкновенно пышным белым чубом и круглыми, как монеты, глазами.

– Да они же вовсе не женщины, – пропел щекастый чистым высоким тенором и снисходительно улыбнулся. – Желание доминировать свойственно мужчине, женщина должна подчиняться, растворяться в партнере. А эти бизнес-леди, они на самом деле своей активностью и, так сказать, независимостью пытаются компенсировать свою половую неполноценность, подсознательную фригидность. Это что-то вроде сублимации с элементами фрустрации.

– Гм..., понятно, понятно, – ведущий закивал с комической важностью, – а теперь, пожалуйста, то же самое, только по-русски.

– Ах, да, извините, я психолог и привык пользоваться профессиональными терминами, – мужчина пошевелил рыжими густыми бровями, сморщил толстый нос, – фигурально выражаясь, они не хотят и не могут.

– Что именно? – тряхнув чубом и склонив голову набок, лукаво уточнил ведущий.

Щекастый закатил глаза к потолку и произнес неожиданно глубоким басом:

– Иметь полноценные сексуальные сношения с мужчиной.

Нянька Рая отжала тряпку в ведре, вытерла руки полой халата и, тяжело вздохнув, покосилась на Галину Дмитриевну.

– Вы бы лучше поспали, чем эту пакость смотреть. Давайте я переключу на “Дикую Розу”. Можно?

– Феликс Нечаев не психолог, – чуть слышно произнесла Галина Дмитриевна, – зачем он говорит не правду?

– Это вы о ком? – удивилась нянька. Галина Дмитриевна ничего не ответила. Она смотрела в экран. Глаза ее были неподвижны, она даже не моргала.

– Итак, подведем некоторые итоги, – сказал ведущий и опять тряхнул чубом, – наша сегодняшняя тема “Принципиальный холостяк”. Наш герой утверждает, что изучил разные типы женщин и не хочет жениться, поскольку ни один из этих типов его не удовлетворяет. Что скажут наши зрители? Пожалуйста! Вот вы, девушка!

Ведущий крупными скачками подлетел к хорошенькой юной блондинке в первом ряду и сунул ей в лицо микрофон.

– Если ему никто не нравится, зачем он вообще лезет? – выпалила блондинка. – Пусть переходит на самообслуживание и сам себя удовлетворяет!

В зале засмеялись. Оператор упер камеру в лицо герою. Лицо это ходило ходуном. Двигались брови, вертелся нос, толстые губы то поджимались в нитку, то вытягивались в трубочку.

– Знаете что, милая, – пропел он, опять басом, – я вам могу сказать как профессиональный психолог, что у вас очень серьезные комплексы.

– Феликс не психолог, – повторила Галина Дмитриевна чуть громче, – он закончил заочное отделение областного педагогического института. А до этого служил в армии, строил генеральские дачи под Москвой.

Нянечка Рая собиралась вылить грязную воду из ведра, но застыла на полпути к туалету. Швабра с громким стуком упала на пол.

– Что вы говорите? Я не поняла...

– Сначала мы взяли его на договор, курьером. Потом он стал младшим редактором. Он пунктуален, аккуратен, никогда ничего не забывает, умеет наводить порядок в бумагах и документах.

– Галина Дмитриевна! – испуганно окликнула ее нянечка. – Вам нехорошо? Может, доктора позвать?

– Нет, Рая, не волнуйтесь, – больная глубоко вздохнула и закрыла глаза, – можете переключать на свою “Дикую Розу” или вообще выключить. И, пожалуйста, опустите мою койку, я посплю.

То, что произошло сейчас, было почти невероятно. Она вспомнила, как звали щекастого мужчину, героя телешоу, кто он, откуда она его знает. Впервые из черного вязкого хаоса вырвался наружу живой и понятный фрагмент. Пусть это была всего лишь плоская картинка, пусть на картинке кривлялся дурак Феликс, но она вспомнила. И еще ей удалось глядеть в экран, не моргая, почти целую минуту. Это тоже был отблеск прошлой жизни, отблеск слабый, бессмысленный, но милый.

Муж Галины Дмитриевны в самом начале своей политической карьеры специально вырабатывал перед зеркалом пристальный, неподвижный взгляд, учился смотреть, не моргая, в телекамеру – это сильно действовало на зрителей, даже слегка гипнотизировало, однако глаза уставали, слезились, болела голова. После репетиций перед зеркалом и теле съемок у него дергались сразу оба века. Он нервничал и злился. Чтобы успокоить его, Галина Дмитриевна тренировала гипнотический лидерский взгляд вместе с ним и превратила это в игру. Они засекали время по песочным часам и смотрели в глаза друг другу, не моргая, кто дольше продержится.

Она вообще многое делала вместе с ним и ради него – садилась на диеты, когда он начинал полнеть, изнуряла себя игрой в большой теннис, который на самом деле терпеть не могла, потому что мячик всегда, как заговоренный, летел ей в голову. Более всего тяготили ее в той прошлой жизни митинги и светские мероприятия. Ей было плохо в толпе. Она терялась, не любила, когда на нее смотрят, все казалось, что-то не так: пятно на костюме, дырка на колготках, тушь сыплется с ресниц, помада размазалась. Она старалась уединиться, слишком часто бегала в туалет, проверить, все ли в порядке, тут же напрягалась, что кто-нибудь обратит на это внимание и что-нибудь не то о ней подумает.

Страхи на уровне “кто что подумает” были, пожалуй, самыми главными, самыми упорными и мерзкими из ее страхов. Она понимала, как это мелко, пошло, как “по-бабски”, и ненавидела себя за это, но ничего поделать не могла.

Когда-то, в двенадцать лет, пересекая свой двор, наполненный детьми, старухами на лавочках, собачниками, мамашами с колясками, она украдкой косилась на каждого встречного и пыталась угадать по его лицу, что он о ней думает – считает, будто она нарочно утонула Любу Гордиенко, или не верит в это. Мнение обитателей двора казалось ей достовер-

ней правды, важней ее собственной памяти, тогда еще вполне ясной и здоровой. Как будто они, соседи, толпа, могли решить тайным голосованием, убийца она или нет.

– Не смей никого слушать. Не обращай на них внимание. Ты ни в чем не виновата, ты же знаешь, как было на самом деле! – говорила мама.

– Тогда почему они шепчутся у меня за спиной? Почему Любина мать кричит на весь двор:

"Убийца! Чтоб ты сдохла!" – и никто ее не просит замолчать? Они слушают, качают головами, потом все обсуждают и смотрят на меня, смотрят...

– Мы уедем отсюда, и все это кончится, – обещал папа.

Но чтобы переехать в другой район, надо было искать варианты обмена, а это невозможно сделать за один день. Прошел почти год, прежде чем Галя села в кабину большого фургона, нагруженного домашним скарбом, и навсегда покинула двор с его общественным мнением. Последнее, что она услышала, был истошный крик пьяной Любиной матери:

– Убийца! Чтоб ты сдохла!

Растрепанная, седая, в халате, она бежала за машиной, которая все никак не могла развернуться и вписаться в узкий проезд между домами, отделявший двор от улицы.

На лето папа достал путевки в ведомственный Дом отдыха в Сочи. Когда Галя увидела море, она побелела, начала задыхаться. Сначала решили, что это астма. Галю долго и мучительно обследовали в больнице, ничего не обнаружили, ставили какие-то мудреные диагнозы, опять обследовали, пока, наконец, не нашелся умный доктор, который понял, в чем дело, отменил все назначенные лекарства и порекомендовал обратиться к подростковому психотерапевту.

– Ты боишься воды потому, что боишься утонуть? – спрашивала психотерапевт.

– Нет. Я боюсь, что утопила Любу.

– Но ведь ты не делала этого.

– Не делала. Но когда я вижу воду, мне начинает казаться, что я просто забыла, как все произошло на самом деле, и я думаю: а вдруг я правда убийца?

– Попробуй рассказать с самого начала, все, что помнишь.

Галя попробовала, но стоило произнести слова "Вода стала мутной, под ногами не оказалось дна", тут же опять началась страшная одышка.

Врач попросила ее написать что-то вроде рассказа или письма, спокойно изложить события того дня на бумаге. Галя исписала двадцать страниц в общей тетради, вспомнила все, почти по минутам.

Когда они вошли в воду, дно оказалось совсем пологим и мягким, как кисель. Сначала держались за ивовые ветви, не отходили далеко от берега, поскольку обе очень плохо плавали. Но было жарко, и барахтаться на такой мелкоте надоело. Галя поплыла дальше, пособачьи, Люба за ней. Каждые несколько метров вставали на ноги, проверяли, не слишком ли глубоко. Разговаривали, смеялись. Люба говорила, что в такой воде хорошо мыть волосы, она очень мягкая, без хлорки.

Потом слышали громкую музыку. Плыл прогулочный катер, и звучала песня про последнюю электричку. Галя стала подпевать во все горло, катер приближался, песня зазвучала так оглушительно, что заложило уши. Когда он проплыл мимо, от него пошла высокая сильная волна. Это было так неожиданно, что обе девочки ушли под воду с головой. Галя хлебнула воды, но быстро вынырнула, огляделась и увидела, что Любы нет рядом. Она сначала позвала ее; не услышав ответа, нырнула опять и попыталась открыть глаза под водой. От волн поднялся ил, вода стала мутной, под ногами не было дна. Какое-то время она шарилась руками, пыталась найти Любу на ощупь, выныривала, дышала, звала на помощь. Никто не откликался. Катер был все еще близко, и песня про электричку звучала слишком громко.

Неизвестно, сколько прошло времени. Галя ныряла и шарилась под водой до тех пор, пока не поняла, что просто не вынырнет после очередного погружения. Она не знала, умеет ли плавать Любина мать, Кира Ивановна, но решила, что на берегу в любом случае могут оказаться какие-нибудь взрослые люди и Любу еще успеют спасти.

Барахтаясь по-собачьи, она кое-как добралась до берега. Там, под березой, на байковом одеяле, крепко спала мать Любы. Рядом стояла пустая бутылка из-под портвейна. Галя принялась будить Киру Ивановну, трясти изо всех сил. Проснувшись, наконец, она еще несколько минут сидела, тараща красные глаза, и повторяла:

– Так я не поняла, где Люба?

Тут мимо прошел какой-то мужчина, Галя бросилась к нему, он понял ее сразу и, не раздеваясь, прыгнул в воду.

Кира Ивановна догадалась, что произошло, только когда мужчина вынес ее дочь на берег и, ни слова не говоря, принялся делать ей искусственное дыхание. Но все было уже бесполезно. Мужчина оставил их, побежал искать ближайший телефон, чтобы вызвать “скорую”. И вот тут Кира Ивановна закричала: “Это ты сделала, ты ее нарочно утопила, ты убила мою Любушку!”

* * *

Прочитав исписанные страницы, врач сказала:

– Вот видишь, ты ни в чем не виновата. Я советую тебе никогда ни с кем не обсуждать эту ужасную историю, а все, что мучает тебя, записывать в тетрадку. Ты будешь просто вести дневник, он поможет тебе успокоиться и разобраться в собственных чувствах. Это очень старый, простой и надежный метод. Время лечит. А от воды тебе пока лучше держаться подальше. Но и этот страх постепенно пройдет. Ты умная девочка, все будет хорошо.

Потом многие годы и правда все было хорошо, правильно и осмысленно.

Галя училась в новой школе лучше, чем в старой, получала пятерки по всем предметам и закончила с золотой медалью. Наверное, потому, что ни с кем не дружила, очень много читала и занималась. После десятого класса поступила в университет, на исторический факультет, встретила Женю, родила двоих детей, защитила диссертацию, жила ярко и интересно.

Если накатывали на нее мутные волны тоски и страха, она возвращалась к своей старой общей тетради, которая постепенно превратилась в ее дневник. Она никому не рассказывала про Любушку, даже самым близким людям, мужу и единственной своей подруге Светке Лисовой, поскольку успела изучить самое себя и знала, что сразу начнет дрожать и оправдываться, хотя ни в чем не виновата. Но потребность поделиться с кем-то иногда возникала, и она возвращалась к своему дневнику.

Со временем страх ушел, смягчилось и растаяло жгучее чувство вины. Осталась только жалость к Любушке, и страницы старой общей тетрадки в клеточку, с зеленой клеенчатой обложкой, постепенно стали заполняться простыми теплыми воспоминаниями о погибшей девочке.

Она описывала маленькую комнату в коммуналке, в которой жила Люба с матерью. Письменный стол у окна, настольную лампу, куклу-негритоса с красной повязкой на приклеенных курчавых волосах, бумажный портрет Брижит Бардо за стеклом серванта, маленький серый томик Есенина пятьдесят девятого года издания, с которым Люба никогда не расставалась и даже клала на ночь под подушку, телевизор с крошечным экраном и лупу, в которую заливали воду. Все подробности короткой Любушкиной жизни переселились из небытия в потрепанную общую тетрадь и устроились там вполне комфортно.

* * *

Нянька Раиса закончила уборку палаты, еще некоторое время постояла, опершись на швабру, и посмотрела телевизор. Как только больная заснула, она тут же переключила на другой канал и поймала несколько финальных сцен очередной серии “Дикой Розы”.

* * *

– Если такая умная, возьми и разгони их, – пробормотал себе под нос компьютерщик Вадик.

– Это наши проблемы, и посторонних они не касаются, – надменно заметила секретарша Наташа, – и вообще, мы не поняли, кто вы и каким образом сюда вошли?

– Да, очень интересно, откуда взялась такая фея? – томно потягиваясь, спросил Феликс.

– Из Нью-Йорка прилетела.

– Из эмигрантов? – небрежно уточнила Тата.

– В Америке все эмигранты, – улыбнулась Маша, – правда, в разных поколениях. Мои предки, насколько мне известно, переселились в Новый Свет в конце восемнадцатого столетия.

– Ага, ясненько, – Феликс важно похлопал глазами, покрутил подвижным мягким носом, попытался сосредоточиться, но не смог. – Слушай, а почему ты так отлично говоришь по-русски? Никакого акцента. И вообще, извини, конечно, но кто ты такая, а?

– У меня была няня русская. А кто я такая, вы все могли узнать еще неделю назад. О моем приезде вас предупреждали. Пришло несколько факсов из “Парадиза”. В бюро пропусков для меня был заказан декадный пропуск, иначе я бы сюда никак не попала.

– Ага, конечно. Факсы, наверное, к Вике пришли, а ее.., это.., тью-тью, пиф-паф... Господи, упокой ее грешную душу, пусть земля ей будет пухом! – Феликс закатил глаза и размашисто перекрестился, снизу вверх и слева направо.

– Так все-таки, кто же вам заказал пропуск? – подозрительно прищурилась Ляля.

– Ваш покойный шеф, Виктория Павловна Кравцова, – Маша одарила всех своей ясной белозубой улыбкой, шагнула к Феликсу, уселась напротив него на табуретку и заговорила тихо, вполголоса:

– Так, что касается прессы. Молчанием вы только разжигаете их любопытство. Надо выйти и просто поделиться с ними тем, что вы сейчас чувствуете. Вам ведь жалко Викторию?

В мутных глазах Феликса блеснуло что-то вроде удивления. Он часто заморгал желтыми, длинными, как у коровы, ресницами.

– Конечно, жалко, – ответила за него Маша, – это ужасно, когда гибнет человек, тем более женщина, молодая, красивая, умная, талантливая, у которой все впереди. Вы глубоко возмущены этим убийством, не можете оправиться от шока, вам трудно представить, Что Вики больше нет. Всеми этими переживаниями вы искренне поделитесь с журналистами.

– Боже, какой чудовищный цинизм, – громко выдохнула Наташа и покачала головой. Но никто ее не услышал.

– Официальные предварительные версии следующие, – продолжала Маша, – профессиональная деятельность, ограбление, личная неприязнь. Но в интересах следствия ни одну из них вы озвучить не можете.

– Откуда вы знаете про версии? – спросил компьютерщик Вадик.

– Ничего я не знаю, – махнула рукой Маша, – так всегда говорят в криминальных новостях.

– А если они начнут задавать конкретные вопросы? Ну, там про личные отношения, и все такое, – спросил Феликс, мучительно икая.

– Про личные отношения отвечайте: ерунда, грязная сплетня, гнусная утка, развесистая клюква, лапша на ушах, не достойная внимания уважающих себя СМИ.

– А если я что-нибудь лишнее ляпну?

– Не ляпнете, вам ведь ничего не известно, верно?

– А вдруг известно?

Маша критически оглядела толстую, расплывшуюся в кресле фигуру Феликса и еле слышно спросила:

– Сколько вы успели выпить? Феликс икнул так мощно, что подпрыгнул, и виновато отвел взгляд.

– Ну ладно, будем считать, что ваше состояние – результат нервного потрясения, – утешила его Маша. – Вам надо причесаться, умыться, глотнуть крепкого кофе, пожевать жвачку, чтобы не пахло изо рта, и вперед!

Через двадцать минут посвежевший Феликс вышел в предбанник, к прессе. Маша вышла вместе с ним и уселась на стул в уголке. Журналисты так обрадовались Феликсу, что на нее не обратили внимания. Его искренние страдания по поводу гибели Вики Кравцовой были запечатлены парой телекамер, записаны на дюжину диктофонов.

Вопросы сыпались градом.

– Как вы можете прокомментировать вчерашний анонимный звонок Рязанцеву в прямой эфир?

– Существует ли связь между убийством Виктории Кравцовой и убийством гражданина США Томаса Бриттена?

– Действительно ли оба трупа были обнаружены в одной квартире и в одной постели? Если связи нет, почему Рязанцева сразу убрали из кадра? Телевизионщики говорят, что он отреагировал на звонок очень бурно. Чем объяснить такую реакцию?

– Как можно отрицать связь между этими двумя убийствами, если Томас Бриттен активно участвовал в работе пресс-центра? Правда ли, что звонил сам убийца? Отслежен ли звонок?

– Какие отношения были между Бриттеном и Кравцовой? Почему представители МВД, прокуратуры и посольства США с самого начала не правильно назвали имя американца? И откуда оно могло быть известно звонившему?

Феликс важно надувал щеки, шевелил рыжими густыми бровями и повторял:

– Ерунда. Гнусная утка, развесистая сплетня, грязная лапша, клюква на ушах, не достойная внимания уважающих себя СМИ!

Глава 25

После совещания Арсеньев решился заглянуть к Зюзе, хотя она его не приглашала. Он надеялся, что к ней на стол уже легли результаты сравнительной баллистической экспертизы. Они должны были прийти сегодня утром. До совещания Зюзя просмотреть их не успела, теперь, скорее всего, сидит и читает.

В ее кабинете было жарко и пахло какими-то сладкими пряными духами. Судя по сердитому выражению лица, Зюзя действительно читала нечто интересное. Она терпеть не могла, когда ее отвлекали.

– Шура, ты понял, что сегодня в половине шестого вечера тебя ждет Рязанцев? – буркнула она, не поднимая головы. – Кстати, заодно побеседуешь и с домработницей Лисовой.

– Нашлась, наконец? Где же?

– Надо уметь искать своих свидетелей, майор Арсеньев. Все это время она находилась у Рязанцева.

– Как вы узнали?

– Да просто позвонила ему домой. Оказывается, Лисова училась с ним и его женой в университете. Она вроде как и не домработница. Она почти родственница. Все эти годы преданно служила семье Рязанцевых, нянчилась с детьми, помогала по хозяйству. Никакой личной жизни. Только служение друзьям, совершенно бескорыстное служение. Видишь, Шура, оказывается, еще остались на свете возвышенные и чистые натуры. Вот так, а ты говоришь...

Он ничего не говорил. Он молча слушал и восхищался Зюзей.

– Светлана Анатольевна Лисова именно такая натура, чистая, возвышенная и совершенно бескорыстная. То есть, возможно, конечно, они иногда помогали ей морально и материально в трудную минуту, но это была дружеская поддержка, никак не плата за услуги. Платить ей регулярно стала только Виктория Кравцова, – Зюзя тяжело вздохнула. – Боюсь, у нас всплывает первый фигурант. Ты только представь, каково ей было трижды в неделю убирать квартиру Кравцовой?

– Зинаида Ивановна, как все вы это узнали?

– Рязанцев рассказал.

– По телефону?

– Разумеется, по телефону. Я ведь не ездила его допрашивать этой ночью.

– То есть всю вот эту информацию о Лисовой вы сумели добыть у него по телефону?

– Надо уметь спрашивать, Шура. Надо точно формулировать вопросы, внимательно слушать ответы и делать выводы, аккуратно отделяя факты от собственных домыслов. Рязанцев мне просто сказал, что с Лисовой они знакомы больше четверти века. Познакомились в университете. Она была свидетельницей на свадьбе. Из документов мне известно, что она никогда не была замужем, детей не имеет. Сейчас живет у Рязанцева, ночует в его доме. Это факты. Все прочее – мои выводы и домыслы.

– А почему вы не сказали об этом на совещании? – удивленно выпалил Саня.

– Потому что я хочу, чтобы первыми поговорили с ней мы, а не ФСБ, – быстро произнесла Зюзя и поморщилась.

– Так, может, взять с нее подписку о невыезде? Ведь и алиби у нее никакого нет, и ключ от квартиры, и мотив.

– Ты сначала просто побеседуй с ней, Шура. По-хорошему, по-дружески. Не надо ее напрягать раньше времени. А там посмотрим. Кстати, Рязанцев просил прислать к нему домой именно тебя. Интересно, чем ты ему так приглянулась?

– Я интеллигентный. Моя физиономия внушает доверие.

– Да? – Зюзя критически оглядела Арсеньева. – Это ты сам так решил, или тебе кто-то сказал?

– Сказали.

– Не верь. Хитрая лесть. Альтернатива взятки. Слушай, Шура, – она окончательно оторвалась от бумаг на столе и похлопала себя ручкой по губам, – ты ведь работал по убийству гражданина Куликовского?

"Значит, не напрасно я надевал свой эксклюзивный костюм и потратил полночи на откровения Павлика Воронкова. Вот оно, счастье!" – обрадовался Арсеньев.

– Совершенно верно, Зинаида Ивановна. Работал.

– Эй, а чего засиял, как свежий блин? – Зюзя прищурилась. – Там вроде бы ничего радостного не было. Подозреваемый погиб до суда, оружие преступления не найдено.

– Разве я засиял? – удивился Саня и даже привстал, чтобы взглянуть на себя в зеркало. – Да, действительно. Это просто потому, что вы отлично выглядите и мне приятно на вас смотреть.

– О Боже, Шура! – Зюзя выразительно закатила глаза к потолку. – Где ты нахватался этой дешевки? Ты еще по коленке меня погладь.

– А можно? – растерянно моргнул Арсеньев и не выдержал, засмеялся. Вслед за ним засмеялась Зюзя.

– Учти, майор Арсеньев, я этой вашей хитренькой мужской лести не терплю. И от дураков устала. Я старуха злая и бесчувственная. Со мной трудно. Предупреждаю заранее, если станет совсем невыносимо, подари котенка, – произнесла она отрывисто, сквозь смех и вытерла кончиком салфетки под глазом.

Все знали, что Лиховцева коллекционирует кошачьи фигурки, и если кто-нибудь хотел ее ублажить, всегда мог подарить очередную кошечку, все равно – серебряную, деревянную, плюшевую, главное маленькую, не больше яблока, и чтобы мордочка была выразительная. В кабинете две полки стеллажа были заставлены фигурками кошек – фарфоровыми, хрустальными, медными, из малахита, оникса и бирюзы, из пластмассы и гуттаперчи.

– Этот твой Масюнин, гений судебной медицины, – он, конечно, слегка сумасшедший. Правда, надо отдать ему должное, у него случаются иногда такие прозрения, что можно все простить. В случае с патронами именно так и произошло, – Зюзя протянула Арсеньеву несколько листов со своего стола.

Компьютер выдал категорическое заключение, что Кравцова, Бриттен и бывший мытищинский хулиган Кулек были убиты из одного и того же оружия. Микрорельефы деталей ствола, отобразившиеся на гильзах, оказались совершенно идентичны.

– Знаешь, это вроде как в вязании ловить и поднимать упущенные петли, – задумчиво пробормотала Зюзя. – Месяц назад ты оставил где-то гулять неизвестный ствол, вот он и выстрелил. Теперь придется вернуться к покойным Куликовскому и Воронкову. К рецидивисту и наркоману. У них уже не спросишь, что их могло связывать с руководителем пресс-службы крупнейшей парламентской фракции и американским профессором-политологом. Ведь так не бывает, чтобы людей убили из одного ствола, довольно редкого ствола, и при этом их совершенно ничего не связывало. Как тебе кажется? А, Шура? Хорошо, что прошел только месяц, а не год. Эй, ты здесь? Ты меня слушаешь?

– Да-да, Зинаида Ивановна, я здесь, я вас очень внимательно слушаю, – энергично закивал Арсеньев.

– Не похоже. У тебя глаза ушли и плавают где-то в подсознании. Вспомнил что-нибудь интересное?

– У вас карта Москвы далеко?

Зюзя, умица, даже не стала спрашивать зачем. Она просто включила свой компьютер, отыскала нужную программу и кивком пригласила Арсеньева сесть рядом.

Саня нашел озеро Бездонку в Серебряном бору. Оно находилось совсем недалеко от Кольцевой дороги и непосредственно от поворота на Лыковскую улицу, от того самого поворота, у которого вчера ночью решительный черный “Фольксваген-гольф” подобрал одну из двух проституток-любительниц. В красном трикотажном платье, в лаковых черных босоножках на немыслимой “платформе”, с белыми волосами до пояса. Именно ту, которая лежала сейчас на столе у Масюнина с ярко накрашенными губами и следами от пластыря.

Стараясь говорить убедительно и не перегружать Зюзю лишними подробностями, Арсеньев рассказал сначала о своем ночном визите в автосервис и исповеди Павлика Воронкова, потом об утреннем звонке Геры Масюнина, о мертвой проститутке и уж от нее осторожно перешел к некоторым особенным признакам на труп Кравцовой. Но тут Зинаида Ивановна замотала головой, да так энергично, что растрепалась ее шикарная прическа.

– Стоп, Шура, стоп. Тебя же просили никому об этом не говорить. А ты что делаешь? Нехорошо.

– Не понял, – Саня недоуменно уставился на Лиховцеву.

Она вышла из-за стола, величественно проплыла по кабинету, остановилась перед зеркалом и занялась своими белоснежными аккуратными локонами.

– Ну, тебя же предупреждал Гера, что в протокол все эти “классные феньки” он вносить не станет, и разговор у вас с ним был сугубо конфиденциальный. Предупреждал или нет?

Арсеньев поерзал на стуле и ничего не ответил.

– Меня он тоже просил никому не рассказывать, у меня с ним тоже был сугубо конфиденциальный разговор, – продолжала Лиховцева, кончиками пальцев взбивая пряди на макушке, – я молчу, как партизанка. А ты? Тебе не стыдно?

– Погодите, Зинаида Ивановна, вы что, все знаете? Вы видели?

– А как же? – Зюзя аккуратно уложила локон на виске, достала губную помаду и, прежде чем подкрасить губы, покрутила золотистым цилиндром у Арсеньева перед носом. – Ты думаешь, только ты удостоился? Для Масюнина взять кого-нибудь под локоток и поделиться своими гениальными прозрениями – все равно что для непризнанного поэта продекламировать свои новые стихи.

– Вы считаете, это бред? – спросил Арсеньев, тоскливо блуждая взглядом по кошачьей галерее. – Я видел сам, я был трезв и галлюцинациями не страдаю.

– Я тоже видела, – тяжело вздохнула Лиховцева, – но, в отличие от тебя, сегодня утром в морг смотреть на утопшую проститутку не помчалась, поскольку дорожу своим временем и нервами.

– То есть вы думаете, нет никакой связи? Лиховцева аккуратно подкрасила губы, припудрила нос и щеки, вернулась за стол.

– Нет, Шура. Нет. Пока, во всяком случае, я никакой связи между убийством Кравцовой и Бриттена и самоубийством проститутки не вижу. Если ты хорошо подумаешь, то сам поймешь. Эксперт обратил наше внимание на ряд сомнительных признаков, которые можно трактовать по-всякому. Но поскольку эти признаки противоречат нашей основной версии, лучше их пока оставить в покое. К тому же сейчас идет повторная экспертиза трупов, проводит ее группа профессора Бирюкова, это серьезные специалисты, люди трезвые, в отличие от Масюнина. Вот когда они подтвердят все эти прелести с помадой и лейкопластырем, тогда будем думать. А пока у нас заказное убийство, со слабыми признаками ограбления. И на сегодня твоя задача, майор Арсеньев, сначала побеседовать с Рязанцевым и домработницей убитой, Светланой Лисовой, потом отработать дневники и записные книжки Кравцовой, попытаться максимально подробно восстановить последние трое суток ее жизни, опросить всех, с кем она встречалась, ну и так далее. Ясно тебе?

Саня вдруг поймал на себе странный живой взгляд одного из экспонатов Зюзиной коллекции.

Это был самый большой кот, почти в натуральную величину. Его сшили из белоснежного пушистого меха, ему вставили стеклянные глаза, даже не кошачьи, а совершенно человеческие, небесно-голубые, ясные, ласковые, но одновременно насмешливые и хитрые. Кот смотрел прямо на Арсеньева и ухмылялся.

– Это игрушка или чучело? – спросил Саня.

– Конечно, игрушка. Я слишком люблю кошек, чтобы заводить у себя их чучела. Это авторская работа, сшила одна художница, кукольный мастер. Живет в Нью-Йорке, разумеется, наша эмигрантка.

– Почему разумеется? – слегка удивился Арсеньев.

– Потому, что ни один иностранец так не сделает, – гордо заявила Зюзя. – Ты когда-нибудь видел такие выразительные лица? Такие глаза? В них светится кошачья душа. Шерстка из искусственного меха, а выглядит как настоящая. – Зюзя подошла к стеллажу, сняла белого глазастого кота. – Смотри, у него лапки двигаются, головка крутится. Я назвала его Христофор, в честь Колумба, который открыл эту несчастную, Богом забытую Америку. Между прочим, я где-то читала, что бабушка Колумба была русская.

* * *

Евгений Николаевич Рязанцев проснулся от сильного сердцебиения. Не только сердце, но весь его организм пульсировал и дрожал, словно во сне к нему подключили какие-то электроды и пускали короткие болезненные разряды. Дневной сон всегда действовал на него ужасно. Он потел, как мыш, и потом долго еще чувствовал себя разбитым.

Первое, что он увидел, было круглое розовое лицо Светы Лисовой. Она склонилась над ним так близко, что стал слышен крепкий дрожжевой запах ее дыхания.

– Который час?

– Половина третьего.

Он вскочил, растерянно ощупал карманы. Света протянула ему телефон.

– Ты это ищешь? Прости, Женечка, я вытащила потихоньку, иначе тебе не дали бы поспать. Знаешь, нельзя включать этот ужасный виброзвонок, он так действует на нервы, лучше уж просто звонок, какая-нибудь приятная мелодия.

– погоди, – Рязанцев потряс головой, – ты залезла ко мне в карман, пока я спал? Слушай, ты совсем рехнулась? Я разве не объяснял тебе, что никогда, ни при каких обстоятельствах не расстаюсь с этим аппаратом? Есть люди, с которыми я всегда должен быть на связи.

– Ты на связи, Женечка, на связи, – энергично закивала Светка, – если бы позвонили, я бы спросила, кто, по какому вопросу, я бы все записала и тебе передала.

– Идиотка! – взревел Рязанцев. – Еще не хватало, чтобы ты лезла в мои дела и шарила по моим карманам! – он кричал все громче, все злей и распалялся от своего крика.

– Прости, прости, Женечка, миленький, я хотела как лучше, я боялась, тебе не дадут поспать, – бормотала она, бледнея и пятясь к стене.

– Зачем ты напялила этот жуткий спортивный костюм? Так одеваются торговки на оптовых рынках! Ко мне постоянно приходят люди, никто, никто в моем доме не позволяет себе ходить в таком виде! Ты на минуточку забыла, кто я? Я глава огромной думской фракции, лидер крупнейшей оппозиционной партии, я политик, я очень известный человек!

– Да, Женечка, ты гениальный политик, ты очень известный человек, ты последняя надежда российской демократии, я ни на секунду не забываю об этом и очень горжусь тобой. Но ты, Женечка, никогда не говорил, что тебе не нравится мой спортивный костюм, я конечно, сниму, если он тебя так раздражает, и больше не надену, – она дернула язычок молнии у горла, но что-то там заело.

– Ты что, собираешься раздеваться прямо здесь? – ему вдруг стало смешно, и он засмеялся, захихикал, нервно, тоненько, омерзительно. Светка растерянно моргала, мотала головой и не знала, что ей делать.

Глядя на ее жалкое, некрасивое, испуганное лицо, на трясущиеся толстые пальцы, он опомнился. Истерика сменилась тихой тоской. До чего же его довели, если он орет на верную безответную Светку, объясняет ей, какой он важный политик, и замечает, что надето на несчастной толстухе!

Впрочем, спортивные костюмы из блестящего трикотажа, эти шаровары и фуфайки на молнии со всякими красно-белыми полосками и фирменными надписями всегда его бесили. Деловито-провинциальная, стыдливая и одновременно хамская альтернатива пижамы. Вид человека в таком костюме, не важно, мужчины или женщины, действовал на него так же, как на других скрип железа по стеклу или вареный лук. Даже в значительно лучшем состоянии духа он не потерпел бы у себя дома этой рыночно-плебейской униформы.

– Все, прости, прости, Светка, – пробормотал он, стараясь не глядеть на нее.

– Ничего, Женечка, если тебе от этого легче, можешь кричать на меня сколько угодно. А костюм я сниму, у меня есть во что переодеться. Ты бы сразу сказал.

– Иди. Это не важно. Нет, погоди, ты что, переселилась сюда? Ты приехала с вещами?

– Ну да... – она густо покраснела и опять принялась дергать язычок молнии. – Я решила, что рядом с тобой в трудную минуту должен находиться близкий человек. Кто же, если не я? Так было многие годы. Это уже что-то вроде семейной традиции, правда? Стоит ли ее нарушать? – улыбка исказила ее лицо, как судорога, на лбу блеснули капельки пота.

– Где же ты спишь? – спросил он, брезгливо морщась и не зная, кто сейчас ему гаже – он сам или несчастная толстуха.

– Дом большой, двенадцать комнат... На третьем этаже, рядом с комнатой Веры Григорьевны. Тем более что у нее внук заболел, она отпросилась на несколько дней. Кто-то ведь должен ее заменить, прибрать, приготовить, правда?

– Правда, правда... Скажи, а почему ты отказалась помочь милиции в Викиной квартире?

– Ох, Женечка, не спрашивай, – она замотала головой, мощные плечи затряслись, она закрыла лицо руками и забормотала:

– Я была в таком состоянии, я пережила сильнейшее нервное потрясение. Как я могла вместе с ними рыться в ее вещах, когда она еще не остыла! Женечка, давай мы с тобой пока не будем говорить об этом кошмаре? Пожалуйста, мне очень тяжело, очень, все до сих пор так и стоит перед глазами.

– Что именно? – спросил он чуть слышно и сам не заметил, как подскочил к ней и вцепился в ее руку. – Что ты увидела, когда вошла в спальню? Они лежали в одной постели?

– Да. Они были вместе.

– Ты раньше знала об этом? Глаза ее заметались, дыхание участилось.

– Женечка, я прошу тебя, только не сейчас, – она уткнулась лицом в его плечо и глухо всхлипнула:

– Ее ведь больше нет, правда? Может, лучше вообще забыть об этом, как о страшном сне?

У Рязанцева закружилась голова. Он продолжал стоять, вцепившись в пухлую руку Светки Лисовой и чувствуя плечом ее судорожные влажные всхлипы. Прямо перед его глазами висела на стене картина, абстрактная композиция, состоящая из разноцветных кубиков и ромбов. Фигуры стали стремительно перемещаться, как стеклышки в волшебном фонаре, и вдруг сложились в нечто ясное, вполне конкретное. Игрушечная пестрота пляжа, дымчатое, в мелкой ряби, море. Он услышал запах йода и лаванды, увидел немолодого полноватого мужчину в тугих синих плавках. Мужчина стоял на коленях и со стороны выглядел

нелепо, почти непристойно. Жмурясь и постанывая, он натирал миндальным маслом от солнечных ожогов тело юной, изумительно красивой женщины. Она лежала навзничь на соломенной циновке. Глаза ее были закрыты. Ноги цвета расплавленного молочного шоколада, длинные, глянцевые, плотно сжаты, и вся она, тонкая, сверкающая, раскаленная, облизанная солнцем, была напряжена, как провод под током. Щиколотки у нее были такие худые, что он мог обхватить их кольцом из большого и указательного пальцев.

Волшебный фонарь повернулся, и картинка сменилась, наполнилась смехом, звоном посуды, шипением масла на открытых жаровнях. Мужчина сидел и смотрел, как женщина идет к нему, скользит мимо столиков. В линялых выгоревших шортах и белой шелковой футболке она выглядела как легкий ладный подросток. Ее длинные каштановые волосы тяжело взлетали в такт шагам. Она улыбалась ему. Она над ним смеялась и была права, потому что он идиот.

Следующий поворот фонаря не дал никакого конкретного изображения, разноцветные фигурки хаотично шевелились, образуя винегрет, от которого рябило в глазах и тошнота подступала к горлу. Светка Лисова выразительно всхлипывала и терлась лицом о его футболку. На стене висела гадкая, лживая картина, за которую только такой придурок, как он, мог заплатить тысячу долларов.

Рязанцев отстранил Светку и отрывисто произнес:

– Ладно, успокойся. Где Егорыч?

– Не знаю, – она тяжело плюхнулась на стул, поерзала, вытащила из кармана своих трикотажных штанов мятую салфетку, высморкалась. – Он уехал примерно час назад и не сообщил куда. Сварить тебе кофе?

– Да. Спасибо, – кивнул он, уже набирая номер Егорыча.

– Я в прокуратуре, – сообщил приглушенный сумрачный баритон начальника охраны.

– Какие-нибудь новости есть?

– Пока ничего.

– Надо, чтобы кто-нибудь из пресс-центра разобрался в моих планах на сегодняшний вечер. Кто там еще, кроме Феликса?

– Там никого нет, – сердито отчеканил Егорыч, – Феликса тоже, считайте, нет. Он не умеет и не хочет работать. Вы должны позвонить Хавченко, он придет, все организует.

Евгений Николаевич еле сдержался, чтобы опять не заорать. Гришка Хавченко был руководителем партийного пресс-центра, он позволял себе в присутствии Рязанцева материться и ковырять в зубах. Он был весь увешан золотом, разъезжал в джипе “Чероки” в сопровождении свиты из накаченных мордovorотов и наглых визгливых девиц.

Официально Гришка Хавченко числился помощником депутата Мылкина (фракция “Свобода выбора”), членом Совета директоров акционерного общества “Светоч”, председателем некоммерческого благотворительного фонда поддержки ветеранов стрелкового спорта. Неофициально Гришка назывался Хач и являлся одним из главарей Балабаевской преступной группировки.

– Я не могу работать с Хавченко. Сегодня вечером я должен встречать делегацию ООН. Что, меня Хавченко будет сопровождать? Со своими девками и ублюдками?

– Почему? У него работают не только ублюдки, а девок на встречу делегации он, естественно, не возьмет.

– Это неприлично, Егорыч, даже если он явится один и в белом смокинге, это все равно неприлично. Твой Хач не знает ни слова по-английски, он плюется и гремит золотыми цепями, он... – Рязанцев осекся, стиснул зубы, ненавидя и жалея себя.

– Евгений Николаевич, если вы приболели, вам лучше отдохнуть, хотя бы до завтра, – кашлянув, заметил Егорыч, – я распорядюсь, чтобы делегацию встретили.

– Распорядись! – равнодушно выдохнул Рязанцев и отложил телефон.

Да, пожалуй, можно считать себя приболевшим. Можно позволить себе небольшой тайм-аут.

Прежде всего горячая ванна, свежее белье. Потом никакого Светкиного кофе. Обед во французском ресторане “Оноре”. Там круглые сутки мягкие сумерки, свечи, полумрак, камин, живое фортепиано. Там кухня, которая может вернуть вкус к жизни даже покойнику. Туда не пускают посторонних. Ни одна сволочь не будет на тебя глазеть, кивать, показывать пальцем. Ни одна фотокамера не плюнет внезапной вспышкой в твоё неподготовленное беззащитное лицо.

Глава 26

После полдника Галину Дмитриевну всегда, даже в плохую погоду, выводили на прогулку в больничный парк. Ей необходимо было дышать свежим воздухом и хоть немного двигаться. Чтобы она не встречалась с другими больными и с непосвященным персоналом, ее выгуливали на небольшом пятачке с тыльной стороны здания.

Зимой прогулка длилась всего пятнадцать минут. Галина Дмитриевна в сапогах, в старой цигейковой шубе, надетой поверх халата, медленно шла от заднего крыльца к старой яблоне, которая росла как раз под окном ее палаты, оттуда дорожка сворачивала к калитке, потом вдоль забора. Обычно ее сопровождала сестра, та, что была с ней постоянно. Иногда ее подменяла нянька Рая.

Рая, в отличие от молчаливой сестры, любила поговорить, она рассказала Галине Дмитриевне, что всю жизнь работала педагогом. Лет пятнадцать назад в этом здании была детская лесная школа, в которой она занимала высокую должность завуча по воспитательной работе. Могла бы стать директором, поскольку являлась лучшим специалистом в своей области, отличалась честностью, принципиальностью, к детям относилась строго, но справедливо. Однако зависть и интриги коллег помешали дальнейшему росту ее профессиональной карьеры, а потом школу закрыли, был долгий капитальный ремонт, она осталась без работы.

Когда открылась клиника, она устроилась сюда санитаркой. Это, конечно, страшная несправедливость, поскольку человек ее уровня, с ее образованием и опытом, должен занимать значительно более высокую и достойную должность.

Галину Дмитриевну приходилось держать под руку, от лекарств движения ее были неверными, ноги совсем слабыми, она могла упасть. Обычно доходили до лавочки, стоявшей у самого забора, в нескольких метрах от калитки. Если было холодно и мокро, сидели совсем немного, потом возвращались в клинику.

Именно под этой скамейкой несколько месяцев назад, в декабре, Галина Дмитриевна нашла послание от Любушки.

К тому времени она успела провести в больнице уже несколько месяцев, и наблюдались заметные улучшения. Врач даже сказал, что, вполне возможно, ее отпустят домой на Новый год.

В тот день была чудесная погода, ясное небо, солнышко, легкий морозец. На прогулку с ней отправилась нянька Раиса. Она болтала не закрывая рта, все рассказывала про интриги завистливых коллег и про то, какие безобразия творились здесь во времена лесной школы.

– Рядом строились генеральские дачи, работали солдаты и постоянно бегали сюда, повара продавали им продукты, а завхоз – вы можете себе это представить? – варила самогон! – властным педагогическим голосом рассказывала нянька, отряхивая маленьким веником скамейку.

Галина Дмитриевна не слушала, кивала из вежливости, шурилась на бледное зимнее солнце. Взгляд ее скользил по заснеженным верхушкам маленьких елок и следил за толстой одинокой вороной.

– Эти солдаты с генеральской стройки залезали сюда в любое время, даже ночью, если им очень хотелось выпить, шныряли по всей школе, – гудел педагогический голос няньки Раи, – вы можете себе представить такое безобразие?

Ворона тяжело опустилась на снег возле скамейки, и вдруг Галина Дмитриевна заметила, что под скамейкой лежит книжка. Наклонившись, она разгребла vareжкой тонкий слой снега. Это был томик Есенина, маленький, старый, в грязно-серой обложке, пятьдесят девятого года издания.

Раиса отреагировала на странную находку вполне спокойно.

– Конечно, кому сейчас нужны книги, тем более Есенин? – сказала она, саркастически усмехнувшись. – Просто взяли и выкинули. Мы в ужасное время живем, но и раньше было не лучше. В нашем педагогическом коллективе не нашлось ни одного порядочного человека. Завхоз уходила на ночь домой и всегда оставляла несколько бутылок самогона для солдат дежурному врачу. Выручку они делили пополам. Вы можете себе такое представить? Я, конечно, пыталась говорить об этом в РОНО, в Министерстве, я требовала принять меры...

Книга была влажной от снега. Уголки обложки обтрепались. Галина Дмитриевна дрожащими руками открыла титульный лист. Рядом с фотографией кудрявого поэта лиловыми чернилами было написано: “Гале от Любы, с надеждой на скорую встречу. 7 июня 1964 года”.

Буквы слегка расплылись, почерк был корявый, странный. Галина Дмитриевна не вскрикнула, только побледнела, но Рая, конечно, не заметила этого. Вообще никто не придавал странной находке особого значения. И никому не пришло в голову заподозрить связь между мокрым томиком Есенина, валявшимся в парке под лавкой, и тяжелейшим приступом, который случился у Галины Дмитриевны через час после прогулки.

Следующее послание от Любы пришло в конце февраля. Снег растаял. Под скамейкой была лужа. В ней плавала пластмассовая кукла-негритос с красной повязкой на курчавых приклеенных волосах.

Нянька Раиса в очередной раз рассказывала о своей мужественной одинокой борьбе с безобразиями, которые творились в лесной школе, и, мельком взглянув на негритоса, небрежно бросила:

– Зачем вам эта грязная кукла?

Врач на этот раз оказался внимательней. Ему не понравилось, что больная притащила в палату какую-то старую куклу образца шестидесятых. Это было странным и тревожным признаком. Не хватало, чтобы инволюционный психоз усложнился ранней деменцией, при которой больные иногда впадают в детство. Самое обидное, что весь последний месяц Галина Дмитриевна явно шла на поправку, а тут опять случился тяжелый приступ, за которым последовало резкое ухудшение.

К концу марта, когда земля подсохла, под скамейкой валялась старая открытка с фотографией Брижит Бардо. На обратной стороне лиловыми чернилами было написано: “Опять от меня сбежала последняя электричка”.

На этот раз Галину Дмитриевну сопровождала сестра. Увидев открытку, она просто отняла ее, спрятала в карман и строго сказала, что нельзя ничего поднимать с земли. Мало ли какой валяется мусор?

Двадцать девятого апреля гулять с больной вышла нянька Рая. Было тепло, нянька жаловалась, что в жару у нее отекают ноги, и ворчала на сестру, которая вполне могла бы сегодня сопровождать Галину Дмитриевну.

Под лавкой лежал сверток, чуть больше сигаретной коробки.

– Никакого уважения к пожилым людям, впрочем, чего от них ждать? Это поколение выросло у меня на глазах. Вы не представляете, что творили дети в лесной школе, – гудел строгий педагогический голос.

Галина Дмитриевна на этот раз не стала показывать свою находку. Она помнила, как забрали из палаты куклу-негритоса, не слушая никаких ее просьб, как сестра отняла открытку с Брижит Бардо. Из трех Любиных посланий ни одно не удалось сохранить, отняли даже томик Есенина, и Любе это, конечно, было очень обидно.

– Девочки мазались, разгуливали с накрашенными глазами и губами, жевали жвачку даже на уроках, хамили невозможно. Когда я принимала строгие меры, мне, вместо благодарности, приходилось выслушивать выговоры от руководства. Никому ничего не надо, всем безразлично, кто потом вырастет из этих деток. Пусть курят, пьют, – Раиса так возбудилась

от своих воспоминаний, что встала со скамейки и принялась расхаживать взад-вперед по дорожке.

Улучив момент, когда нянька отвернулась, Галина Дмитриевна подняла сверток и спрятала в карман халата. Развернула она его только оказавшись в туалете, где никто не мог ее увидеть. В маленьком пластиковом мешочке она обнаружила мобильный телефон и вырезку из журнала с телепрограммой. Красным маркером было выделено две строчки: “У нас в гостях, в прямом эфире, известный политик Евгений Рязанцев...”

Более всего она опасалась, что не удастся вовремя включить телевизор. Ей запрещали смотреть его после девяти вечера и смотреть бесконтрольно. Обычно сестра перед сном забирала пульт. Но иногда забывала. Галина Дмитриевна заранее спрятала его в тумбочку, за метком с фруктами, сестра даже не вспомнила о пульте и искать не стала.

* * *

За полтора часа, проведенные в думском пресс-центре, Маша узнала много нового и интересного. До Феликса дошло, наконец, что ее прислал концерн “Парадиз”, что она выпускница Гарварда и намерена изучать русский политический пиар.

– А, прости, кто субсидирует тебя? – спросил он, прищурившись, и Маша поняла, что он протрезвел окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.